

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

АНАТОЛИЙ МАКСИМОВ

ПЕРЕМИРИЕ МЕЖДУ СССР И ТРЕТЬИМ РЕЙХОМ

ИЛИ «МЦЕНСКАЯ ИНИЦИАТИВА» СТАЛИНА

Анатолий Борисович Максимов
Перемирие между
СССР и Третьим
Рейхом, или «Мценская
инициатива» Сталина
Серия «Тайны военной истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18379036

Перемирие между СССР и Третьим Рейхом, или «Мценская нициатива»

Сталина / А.Б. Максимов.: Алгоритм; Москва; 2016

ISBN 978-5-906842-49-7

Аннотация

До недавнего времени информация о предполагаемых переговорах руководства СССР с верхушкой Третьего рейха относительно перемирия в феврале 1942 года была недоступна. Автор книги решил разработать эту «проблемную тему», задавшись не столько вопросом о факте переговоров, сколько выяснением цели распространения информации о их подготовке и проведении, обстоятельств «Мценской инициативы» Сталина, прологом к которой стала знаменитая операция спецслужб «Снег».

В ходе блестяще проведенной операции «Снег» была отведена угроза ведения войны на два фронта: Япония ввязалась в заранее проигранную войну с США на Тихом океане, а части Красной армии и военную технику с Дальнего Востока перебросили на защиту столицы.

Провал «блицкрига» под Москвой в декабре 1941 г. заставил союзников пересмотреть своё отношение к гитлеровскому «походу на Восток». Но до открытия Второго фронта было ещё очень далеко, возможно, его бы вообще не открыли, если бы не «Мценская инициатива» Сталина...

Содержание

От автора	5
Предисловие	16
Введение	36
«Сильные мира сего» поставили на Гитлера	39
Политика изоляции Советской России	48
Пакт «Молотова – Риббентропа»	57
Восточный фронт Германии	69
Глава 1	87
Становление России	87
Стратегические операции	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Максимов Борисович Перемирие между СССР и Третьим Рейхом, или «Мценская инициатива» Сталина

От автора

*Целесообразность – это сила, которая превращает возможность в действительность.
Аристотель, древнегреческий философ*

Уже заканчивалось второе десятилетие моей работы в уникальном учебном заведении по подготовке молодых разведчиков. Казалось бы, в тот день в декабре 2002 года очередная лекция по теме «разведка госбезопасности в годы Великой Отечественной войны» не предвещала ничего необычного. И пять минут, отведенные на вопросы слушателей, амфитеатром сидящих передо мной, ожидалась мной с долей нетерпения – это была хорошая возможность расставить акценты в только что освещенной теме.

Однако случилось так, что вопрос чуть ли не впервые по-

ставил меня в тупик, ибо слушатель затронул сверхщепетильный аспект в отношениях двух воевавших держав – Советской России и фашистской Германии, причем он касался поведения непосредственно их лидеров – Сталина и Гитлера:

– Только что вышел двухтомник «Генералиссимус» военного историка, ветерана войны и Героя Советского Союза Владимира Карпова... – сказал слушатель-первокурсник. – В одной из глав он говорит об инициативе Сталина, предложившего Германии перемирие... Это случилось в феврале 1942 года... С участием разведки госбезопасности?

И слушатель спросил:

– Писатель Карпов – весьма уважаемая личность, но почему именно он первым открыто упомянул об этом факте?

Для меня вопрос прозвучал неожиданно. И хотя я знал кое-что о якобы проводившихся переговорах с германской стороной в начальный период войны, фактическим материалом не располагал.

Не в моих правилах было уходить от ответа, но не был я и «сухим начетчиком» в «щепетильных вопросах» советской истории и случаев из жизни разведки.

– Я еще раз полистаю книгу и подумаю над версией Карпова по этому вопросу. И к следующей лекции постараюсь подготовиться к обсуждению, хотя бы вкратце... – коротко пообещал я.

Конечно, через несколько дней, еще раз погоняв мысль

с загадочной версией Героя – фронтового разведчика, я попробовал изложить его мнение на это событие и прокомментировал свое видение проблемы...

В том, что это «проблемная тема», я не сомневался и потому высказал предположение лишь по одной стороне вопроса: если факт имел место, то это была дезинформационная акция с нашей стороны. Причем в адрес верхушки гитлеровского Третьего рейха.

Как мне представлялось, слушатели ответом удовлетворились, хотя в перерыве последовал еще один вопрос: цель дезинформации?

Опыт дезинформационной работы на nive разведки у меня был, ибо не один год я провел в стенах подразделения разведки, занятого акциями тайного влияния в рамках традиций еще с двадцатых годов прошлого века. Да и опыт личного длительного оперативного «общения» с западной спецслужбой у меня также имелся.

Но и слушатели, и фронтовой разведчик, казалось бы, заронили в мою душу «любителя распутывать сложные узоры истории» сомнение. Но особенно душа начала «страдать», когда в руках у меня оказалось «наследие Старого Чекиста-Разведчика» в виде пометок на листке. Позднее эти пометки заставили меня сформулировать цель «распутывания».

Во-первых, «был ли мальчик?» – был ли факт переговоров

либо это только слух-миф о них?

Во-вторых, их направленность: то ли в отношении германской стороны, то ли наших союзников?

В-третьих, как факт этих переговоров мог сказаться на моральном аспекте в отношении антифашизма Советской России, как это могли воспринять наши союзники по антигитлеровской коалиции?

И вот прошло почти десятилетие, за время которого была подготовлена объемная рукопись по истории мастерства российской разведки за тысячу лет становления Отечества и превращения в Великую Державу. Другая – более полно раскрывала работу Отечественной разведки в предвоенный период, в канун и в годы войны. Причем в обеих рукописях вопрос «переговоров с германской стороной в 1942 году» нашел некоторое отражение... на уровне версии.

Правда, там лишь шла констатация факта, а не глубокое обоснование этого столь загадочного случая, в котором советская сторона и лично И. В. Сталин, казалось бы, выглядели не в лучшем свете. Но Сталин поручил вести переговоры разведке госбезопасности, а это уже по моему «профилю».

Так случилось, что для меня наступило новое беспокойное время погружения в очередное «расследование» с целью понять истоки действий всех занятых в войне сторон и на их основе осмыслить «факт переговоров о перемирии».

Зачем? Чтобы попытаться разобраться, что происходило в германско-советском противостоянии в 1942 году: до пе-

переговоров в феврале, в момент их проведения, после них – в последующее время войны. И еще потому, что за это время я потерял коллегу, единомышленника в вопросах истории разведки и друга по жизненному пути – Старого Чекиста-Разведчика. Именно его листок с пометками о «переговорах о перемирии» основательно (как он и предсказал в последние дни своей жизни) растревожил мою душу...

* * *

Все мы родом из детства, но для поколения автора – в детстве была война...

Не потому ли для автора, ставшего профессиональным военным, события военного детства навсегда завладели всем его сознанием и прошли «красной нитью» в его профессиональной судьбе – флотского офицера, военного контрразведчика и разведчика.

Говоря о разных явлениях в жизни автора, правильно было бы акцентировать внимание на судьбе его выбора, столь свойственного для мятущихся натур его поколения.

И действительно, автору, сыну геолога и учительницы, с раннего детства пришлось познать жизнь на Кавказе и Украине, на Севере Уральских гор с тайгой и тундрой. За годы окончания десятилетки Подмосковье подарило автору Юношескую спортивную школу и аэроклуб, а замечательный город на Неве приобщил к истории Государства Российского

в бытность его пятилетнего пребывания в военно-морском училище инженеров оружия.

...Случилось так, что многолетняя работа в разведке завершилась в ее оперативной части с переходом в когорту тех, кто готовил будущих разведчиков. И здесь выбор автора, после выхода в запас, в конечном счете пал на преподавание истории разведки госбезопасности. Ему удалось увлечься тысячелетней историей этой службы: было подобрано, изучено и описано около трехсот событий из жизни разведки за время выхода Руси и России, Российской империи и Советской России на международную арену.

Кроме специзданий «по теме», автор вышел на книжный простор страны, и к 2010 году в арсенале его рукописей оказалась целая серия из десяти книг в рубрике «Записки чернорабочего разведки». И среди них – «Разведка Великой Отечественной».

Казалось бы, почему столь большое внимание у автора к работе разведки в годы войны? Потому, что автор с семилетнего возраста впитывал в себя все, что связано с войной. Шла война, и эхо ее звучит в душе автора по сей день нескончаемым потоком воспоминаний. Тем более что подзаголовком к этой рукописи стало: «Нетрадиционный взгляд на мастерство разведки советской госбезопасности». И хотя бы потому, что это был взгляд не с позиции «разведка и война», а с акцентом «война и разведка», и, значит, на полях шести-

сотраничной рукописи нашла широкое освещение ее военная составляющая.

Вроде бы эта объемная рукопись истощила писательские силы автора, но... не освободила автора от чувства беспокойшей его неудовлетворенности. Ибо за рамками последней рукописи осталась некая недосказанность об одной чрезвычайно таинственной акции советской стороны – *попытке в начальный период войны вести переговоры с Германией о перемирии*.

Во время работы над рукописью по военному периоду истории разведки автора стала преследовать мысль, которую высказал еще в VI веке до н. э. китайский полководец в своем военном трактате: «Умный найдет выход из экстремальной ситуации, а мудрый не допустит ее». Это была реакция на извечный вопрос: почему германские войска оказались у стен Москвы? И потом – вот эти переговоры?!

Однако, освободившись от забот с последней рукописью, автор понял, что она так и не удовлетворила его любопытство в указанном вопросе. Но она подвигла его разобраться с мыслью военного теоретика Никколо Макиавелли: «*Ничто не делает полководца более великим, как проникновение в замыслы противника*». Ибо в то трагическое военное время у нашего Отечества были и враги, и весьма неустойчивые временные союзники – они же постоянные противники не только Советской России, но российской государственности как таковой.

Советская сторона не заблуждалась в предвоенные годы, в канун и с началом гитлеровской агрессии, когда Россия истекала кровью: Отечество не имело настоящих союзников. И мы должны были бы ценить всех, кто протягивал нам руку помощи либо просто был на нашей стороне.

И мы ценили, и значит, само понятие *«переговоры о перемирии с Германией в начале 1942 года по инициативе И. В. Сталина»* (Владимир Карпов), казалось бы, должно было встретить у автора сильнейшее неприятие даже мысли об этом факте. Но так было до тех пор, пока...

Впрочем, все по порядку.

А порядок был таков. Из сотен удачных и ярких своей полезностью Отечеству действий во время войны автор остановил свое внимание на трех моментах: во-первых, «блицкриг» германской военщины не состоялся, ибо помешала Красная армия; во-вторых, победная Битва за Москву, и мир воспрянул духом: фашистов можно бить; и в-третьих, переговоры о перемирии с Германией.

За время работы над рукописью мысль автора многократно возвращалась к весьма высокой оценке совершенного Красной армией, военным командованием, руководством страны и советским народом в Битве за Москву: это был *«первый реванш»* для всех стран, воевавших против Германии. Но если с провалом «блицкрига» и «первым реваншем» все было достаточно ясно, то сам факт возможности переговоров наводил на размышления в связи с отсутствием сопут-

ствующим им подробностей.

«Первый реванш» способствовал расширению антигитлеровской коалиции и росту движения Сопротивления в странах, страдающих под сапогом гитлеровского солдата. В тылу немецких войск на временно оккупированной советской территории все сильнее бушевал огонь народного гнева. Однако...

Война – явление столь многогранное, что каждый из ее участников видит события из «своего окопа»: глава государства и древнекитайский мыслитель, советский маршал и разведчик, историки спецслужбы и гитлеровский министр. Отрывочно их взгляды на войну выглядят так: «следить, чтобы не пошли с Гитлером», «это не просто победа», «хорошо работающая разведка», «информация стратегического значения», «достаточно для его отражения», «война проиграна».

Не раз я вчитывался в тексты карточек с афоризмами мыслителей, философов, военных, разведчиков, политиков. И, конечно, перед глазами была столь значимая своей глубиной мысль Конфуция, древнекитайского мыслителя из VI века до н. э.:

«Находясь перед угрозой вражеского вторжения, следует прибегнуть к обману, которого может оказаться вполне достаточно для его отражения».

Но истинное понимание этой мысли автор начал осознавать, лишь когда она была воспринята в триаде – «блицкриг», «первый реванш» и «переговоры». Фактически от-

куда-то из глубины души пришла попытка констатации того факта, что указанная «триада» выглядит своеобразным «военно-политическим айсбергом Мировой войны». Итак, «блицкриг» и «реванш» – эти два явления войны поддаются количественному и качественному обсчету. А вот «переговоры»?!

Еще раньше автор рискнул углубиться в историю нашего Отечества – Руси и России, Российской империи и Советской России. Это означало, что далекое и не столь давнее прошлое должно было подсказать ответ на недавнее настоящее из жизни страны в годы Великой Отечественной войны, причем в его трех ипостасях – политической, экономической и военной.

И помогла мне в этом замечательная личность – мой многолетний спутник по волнам истории нашего Отечества и ее славной составляющей – истории разведки госбезопасности.

Приходилось прояснять то, что часто искажалось, а временами подвергалось сознательной лжи недоброжелателями и недобросовестными обладателями пера. Приходилось при этом искать общие заветы, характерные для разведчиков всех поколений разведывательного труда – русского, российского и советского.

Благодаря встрече в это время со Старым Чекистом-Разведчиком автор встал на тропу вселения в души будущих разведчиков бесконечно верной мысли: они продолжатели дела всех прапраразведчиков на пользу тысячелетней Рос-

сийской государственности.

Это время было богато общением с коллегами, часто неординарными в нашей профессии. Но эта встреча...

Примечание. Как это уже не раз случалось, «запальным устройством» для автора в его очередном увлечении «с пером и бумагой» становились весьма скудные сведения. Так и эту рукопись он затеял, имея всего несколько интригующих намеков на «таинственные переговоры о перемирии».

Растревожили его душу по этой «проблеме» писатель-фронтовик Владимир Карпов и вопрос слушателя на лекции, а окончательно вовлекла в «тему» записка-призыв поработать над ней Старого Чекиста-Разведчика.

Ну не мог автор противиться мысли Николая Коперника: «Живому уму достаточно немного увидеть и услышать, для того чтобы потом долго рассуждать и многое понять». Ведь этот призыв преследует автора с глубокого детства – со школы, военно-морского училища, спецкурсов госбезопасности, при работе в контрразведке, разведке, в учебном заведении службы...

Предисловие

Наследие старого разведчика

Средоточием нравственности является долг.
В. А. Сухомлинский, русский и советский педагог

Еще не притупилась боль от потери Советской Родины, и автор не смог вывести свою растревоженную душу из лабиринтов заблуждений разливающейся мутным потоком псевдодемократии. Судьба оказалась в это щемящее безысходностью время снова добра к автору – удалось увлечься историей отечественной разведки на фоне исторических событий Государства Российского за тысячу лет. И только с годами, когда мутная волна разорения нашего Отечества под лозунгом «приобщения к западным демократиям» замедлилась, стал понятен тот факт, что для автора углубление в историю его профессии разведчика явилось спасительной миссией.

На этом пути длиной в полтора десятка лет работа над историей разведки не раз приносила личные открытия, которые согревали душу своей полезностью в оценке особенностей событий из разных периодов существования Государства Российского. На этом фоне значимым явлением стала попытка проникновения в глубины жизни разведки в годы Великой Отечественной войны, в один из наиболее трагических периодов нашей истории.

Когда готовилась рукопись по тысячелетней истории российской разведки, не так-то легко было решиться выйти в свет с новой трактовкой истории русской, российской и советской разведки. И все же, почему нужно высказаться и обосновать новое видение жизни отечественной разведки под углом зрения: история разведки госбезопасности в свете становления ее мастерства в X – XX веках?

Как это случается, активная профессиональная работа заканчивается, и тогда встает вопрос о месте приложения накопившегося опыта сотрудником спецслужбы в новых условиях. Довольно часто профессионала в чем-либо судьба приводит на преподавательское поприще. Цепочка занятий «профи – преподаватель – занятие историей» выглядит естественной связью поколений на службе Отечеству. На определенном этапе трудовой жизни профессионал становится частью истории службы – крохотной каплей либо искрой?! В чем связь? Во времени – через людей. А в разведке – через разведчиков, агентов, операции. А это – факты, эпизоды, события...

Судьба преподавателя привела автора к работе с историей разведки далеко не случайно. Он пришел на службу во флот в начале пятидесятых и позднее в органы госбезопасности. В начале тревожных девяностых произошла встреча двух поколений, которая определила окунание автора не только в атмосферу истории разведки, но в тысячелетнюю историю Государства Российского. В конечном счете появились руко-

писи, последняя из которых – о разведке на войне.

Именно – «через людей»... На стыке двух столетий – XIX и XX – русский историк Дмитрий Харитонович так оценил роль людей в истории:

«В реальности существуют люди... Нет политической истории, есть история людей. Нет экономической истории, есть история людей, что-то производящих и обменивающих. Нет истории городов, есть история горожан...».

И в рукописи о разведке на войне затронуты судьбы более шестидесяти разведчиков в свете их профессиональной полезности интересам Отечества. И кто-то из них оказался доверенным первого лица в государстве – Сталина – в его тайном контакте с германской стороной... в переломный момент после успешной Битвы за Москву?!

Благодаря встрече в это время с неординарной личностью Старого Чекиста-Разведчика, автор встал на тропу поиска нетрадиционных взглядов на мастерство разведки советской госбезопасности. А углубление в историю страны военного периода подвигло автора взглянуть на ее работу в рамках «война как фон работы разведки в тесном контакте с усилиями дипломатии в помощь военным действиям».

Во-первых, автор исходит из положения, что Советский Союз – это один из периодов существования Государства Российского с его убедительной историей становления в Великую Державу: от Руси и России до Российской империи и Советской России.

Во-вторых, истоки Второй мировой войны зародились после окончания Первой мировой, и советская сторона отслеживала, вскрывала и противостояла ее подготовке и участию в ней Запада на всем предвоенном пространстве, в канун германской агрессии и в ходе ее отражения.

В-третьих, предлагается рассматривать деятельность советской стороны и ее разведки в военные годы через призму нескольких общих, но устойчивых признаков, характерных для оценки степени помощи в организации военных действий на советско-германском фронте и отношений с союзниками по антигитлеровской коалиции.

В-четвертых, автор заостряет внимание на «триаде» событий – провале германского *«блицкрига»*, поражении немцев под Москвой как факторе *«первого реванша»* в Мировой войне и загадочных *«переговорах»* с Германией о перемирии в начале сорок второго года.

Анализируя «триаду» событий, автор пытается показать, что в контактах советской стороны с германской решалась задача с целью укрепления антигитлеровской коалиции и придания ей необратимого характера в условиях последующих событий по ликвидации фашистского государства.

Именно такой подход позволил широко обсудить со Старым Разведчиком военную составляющую диады «война и разведка».

...Одним из первых электропоездов я доехал до платформы «Сенеж», что по ленинградскому направлению. Через полминуты ноги уже сами несли меня по залитой утренним солнцем песчаной проселочной дороге к белевшим крышам в километре от станции дачными участкам.

Дорога бежала чуть вниз вдоль кромки леса и делала на своем пути два поворота, от одного из которых открывалась даль пшеничного поля, упиравшегося в лесной массив с прожилками березовых и сосновых стволов. В глубине поля, в его дальнем углу, чуть-чуть виднелся неровной конфигурацией крыши дом, приземисто сидевшего на земле. Его украшала массивная кирпичная труба.

Уже не раз этот дом властно привлекал своей одинокой таинственностью. И потому думалось, что необычность положения дома, вернее всего, несет в себе и необычную судьбу и его появления, и его обитателей, рискнувших хотя бы ненадолго оторваться от «цивилизованного мира шести соток».

И вот однажды я оказался у ворот этого привлекательного дома. Затем была мимолетная сценка общения незнакомых друг другу людей, которая за считанные секунды настроила их на волну доброго душевного спокойствия. И как-то само собой хозяин – Старик увлек меня к грубо сработанной бре-

венчатой избе, к резному крыльцу.

Присмотревшись, я узрел перед собой крепко скроенного, среднего роста, с весьма легкой для его лет походкой и скупыми жестами, уверенного в себе человека. Его просторная одежда, как я теперь обратил внимание, – хорошо постиранная роба флотского покроя – выцвела почти до белизны, и лишь местами просматривался ее первоначальный синий цвет.

«Ого, – подумал я, – парень-то из флотских». И сразу же пришло в голову: уж не моя ли тельняшка так расположила его ко мне? Как стало ясно позднее – и она тоже.

Поле бугром уходило в сторону наших дач, за которыми гребенками перемежались с полями колки березовых рощ. И над всем этим – низко сидящее солнце, уже не такое жаркое и яркое. И густая тишина, не нарушаемая даже уходящими в сон птицами.

И вот мы у резного крыльца. Старик жестом пригласил присесть на ступени, которые были до блеска вымыты, как говорят во флоте: «надраены торцом с песком».

– Уж не по-флотски ли вы драите палубу своего «корабля-избы»?

– Точно. С песочком... – охотно откликнулся Старик. – Это у меня еще с флотской службы... лет сто назад.

Так, двумя-тремя вопросами, опираясь лишь на три синие полоски моей тельняшки в вырезе ковбойки, Старик пригласил меня к разговору о моем и затем о его прошлом. Это был

наш русский человек с его добрым отношением к людям и, как я понял позднее, добросовестным отношением к делу, за какое бы он ни брался. Смеркалось, а уходить не хотелось. Два далеко не молодых человека думали каждый свою думу. Мне представлялось, что вот так он, возможно, привечает прохожих, а может, и нет. Но его искренность в общении и сиюминутная доброта говорили о чем-то неординарном в этом явно сильном характере, особенности души которого хранились где-то глубоко и потаенно.

Мы встали и двинулись к воротам, молча и спокойно, как уходят люди, давно знающие друг друга. Мы насытились этим коротким гостеприимством и вели себя как люди, понимающие друг друга без слов.

Я пожал Старику руку, получил в ответ крепкое рукопожатие и короткое: «Василий Михайлович». Всматриваясь в загорелое русское лицо нового знакомого, я с удовольствием ответил: «Анатолий Борисович». И больше ничего – ни слова, ни жеста. И так было ясно – мы понравились друг другу.

Казалось бы, и двадцати слов не было сказано, но меня влекло к Старику, к его уверенной в себе крепости духа, столь малозаметной пока. Его личность точно завораживала меня. Чуть ли не все дни после первого визита я перебирал в памяти скупые впечатления об этом неожиданно появившемся в поле моего зрения человеке.

Профессиональная привычка из малых сведений о человеке пытаться прогнозировать его «портрет» не давала мне

покоя. Итак, он – из флотских, возможно – офицер. На вид ему лет семьдесят – можно выстроить биографию, если исходить из его года рождения, например, 1922... Но как же быть с краснофлотцем? В канун войны ему было бы всего семнадцать лет? Значит, ему семьдесят три – семьдесят пять. Тогда он мог еще до войны начать служить, года с тридцать восьмого... На большее у меня фантазии не хватало.

И случилось так, что однажды, еще до полудня, я оказался у решетчатых ворот усадьбы Василия Михайловича. И через несколько минут мы крепко пожимали друг другу руки. Взяв под локоть, он повел меня куда-то вокруг избы. Там, скрытая со стороны поля оградой, а от ворот – избой, в углу усадьбы ютилась беседка, опять же из бревен, бурно обвитых диким виноградом.

Молча хозяин подвел меня ко входу в беседку и, пропустив вперед, помог проникнуть в затененный листьями полумрак своеобразного кабинета – другого названия этому месту невозможно было дать: массивная, натурального темно-коричневого цвета сосновая столешница, ручной работы грубо сделанные массивные стулья, в двух из четырех сторон низкие крепко скроенные полки-стеллажи, приставной столик с печатной машинкой и широкая лавка все из той же темной сосны. Над столом – старая, с медным колпаком, висячая керосиновая лампа, а на одном из столбов – хищно изогнутая «хоботом» ее электрическая подруга.

Василий Михайлович молча наблюдал мою реакцию на

его рабочее великолепие. А я не мог сдерживать эмоций – все это впечатляло своей обстоятельной организованностью, столь милой мне самому.

– В таких условиях просто невозможно не писать! – не скрывая своего восхищения, молвил я. – Что греха таить, балуюсь пером и... печатать люблю на простой машинке, избегая электронных новшеств...

А владелец этого рукотворного богатства широко улыбнулся и поинтересовался, чем это я «балуюсь».

– Главным образом по делам службы, но и кое-что для души... Хотя и по линии той же службы... – с пафосом ответил я, вызывая тем самым Василия Михайловича на беседу о нашем прошлом.

И он вызов принял.

– Вы – кадровый военный? – испытующе глядя на меня, спросил он.

В такой ситуации темнить трудно, да и нужно ли это? Вопрос был поставлен прямо, и отвечать нужно было либо обстоятельно, либо кратко.

– С пятьдесят второго, – молвил я и тут же сам спросил: – А вы – не из флотских? Роба на вас уж больно приметная, рубаха явно матросской кройки...

– Было в моей жизни и это. Задел мою душу флот на всю жизнь. Ведь моя первая образовательная школа началась именно на флоте... В тридцать седьмом...

Еще несколько секунд – и мы могли бы отлично понять

друг друга через флотские корни. И такой шанс я не упустил.

– Какое ваше «БЧ» – боевая часть на корабле?

Василий Михайлович расцвел и, крепко взяв меня за плечи, ответил, что его боевое заведение было в «БЧ-4» – служба связи.

– Хотя, как это было принято на флоте в то время, освоил еще специальности по боевым постам другим – минно-торпедному и артиллерийскому... В наше время это было нормой – быть специалистом по смежным постам. На средних кораблях всегда так было, а я служил на миноноске... А ваше «БЧ»? – спросил Василий Михайлович, видимо, не сомневаясь в моем флотском прошлом.

Мое «БЧ» было связано с артиллерией. А о себе он уточнил: с флотом и «БЧ» пришлось расстаться из-за войны.

– Мое «БЧ» – служба связи – привело меня на берег... В годы войны мне пришлось готовиться в особой школе, для нужд работы в тылу немцев...

Что-то подсказывало мне, что этот человек из нашей «конторы» – из госбезопасности. Одно слово, его ответ в пару слов – и все станет ясным. Я решился:

– РАШ? Гридневка?

Мой собеседник не сдержал удивления, а я понял, что расчет был верным: Гриднев – генерал в той самой РАШ – Разведывательной школе НКВД, причем в годы войны. Ему было чему удивляться – в глухом углу встретить человека, возможно, коллегу, знакомого со школой из его боевой юно-

сти?!

Здесь, «на краю земли», оба мы излучали духовную близость. И последовавший затем поток знакомых имен лишь убеждал каждого из нас в том, что мы – одной крови, мы – чекисты. Да, он был из разведки.

Я мог раскрыться перед Старым Разведчиком хотя бы потому, что уже был упомянут в обширной статье в связи с одной операцией против западных спецслужб. И еще потому, что официально стал членом правления Ассоциации ветеранов внешней разведки с ее четырехтысячным коллективом. И, как бы называя пароль для дальнейшего общения, глядя в глаза собеседнику, я представился:

– Капитан первого ранга в запасе, ветеран флота, военной контрразведки и разведки, внешторга...

Реакция его была несколько странной – без удивления. Минуту он прохаживался двумя-тремя шагами по крохотному пространству беседки и бросал на меня задумчивые взгляды.

– Но откуда вы знаете имена людей из того, теперь уже далекого времени?

– С этого года занимаюсь историей... А вы бываете на Дзержинке? На встречах чекистов-разведчиков? – перешел я в наступление.

Лицо Старого Разведчика потемнело – он напрягся, и я почувствовал, что затронул какую-то личную струну, отягочающую его жизнь.

– Мне туда нельзя... Не положено... Запрещено, – решительно отрезал коллега. – Это табу на общение с коллегами не будет снято с меня никогда... Для всех – меня нет в живых...

Вот так-то, подумал я. Поворот событий то ли с плюсом, то ли с минусом. Но не мог же я ошибиться – он был нашим человеком по работе и по духу!

– Историей занимаетесь, говорите, историей? – прервал мое задумчивое созерцание его персоны Старый Разведчик. – Историей вашей и... моей службы. А ведь история находится здесь, в этой беседке и избе. И еще – в Москве...

Вопросы готовы буквально были выплеснуться из меня. Я должен был задать их. Задал и получил четкие ответы.

– Появление в моем окружении нового лица, естественно, должно было меня насторожить, – говорил Старый разведчик, – ибо так нужно для дела, которому я служил, а вы служите сегодня. Без особого труда я узнал ваше имя от людей из правления дачного поселка... А далее – «дело техники»... Краткие сведения о вас оказались у меня, правда, кроме вашей занятости в Академии разведки...

Вот это да! Значит он – из нелегалов? Иначе откуда такая оперативность?

– Ну, Василий Михайлович, обскакали вы меня на повороте... – деланно удивился я.

– Не гневайся, Анатолий, – переходя на «ты», молвил Старый Разведчик. – Все эти «процедуры» лишь ускорят воз-

можное наше сближение...

Откровение за откровение, и я согласился:

– Как мне представляется, нас объединит история... Если я, как начинающий историк, буду допущен к вашему «историческому богатству», – указал я на полки с книгами, журналами и бумагами.

Так началось мое многолетнее «плавание по волнам» русской и советской истории с ее тысячелетним прошлым, в том числе в делах разведки...

За годы общения Старый Разведчик помог мне отойти от простейшей формы подачи материала по истории разведки («история фактов») и перейти на более высокий уровень интерпретации фактов под углом зрения «истории становления мастерства разведки». И это понятно: историком я был условным – как разведчик с опытом работы в «поле» и преподавания, но без спецобразования в исторических делах. Потому изначально меня в учебном курсе истории разведки волновало стойкое желание в подаче фактов следовать хронологии.

Как говорил Василий Михайлович: «В разведке мы привыкли оперировать фактами и реже выходили на рядовом уровне к анализу и обобщению». От него я впервые получил достаточно четко сформулированную мысль, уже ставшую для меня тревожной: история разведки может стать полезной для понимания сложного явления, коим она может

быть, если ее деятельность удастся увязать с многовековой историей Государства Российского.

– ...Ибо факты беззащитны, если их не поддерживают люди, – однажды подвел итог нашим беседам Василий Михайлович. – А люди смогут сделать это тогда, когда исторические факты из жизни страны и разведки будут подкреплены фактами их полезности Государству Российскому...

И потому напрашивался вывод: во всю тысячелетнюю историю политики Российского государства на международной арене одновременно с жизнью страны шла деятельность разведки с ее специфическими, но повторяющимися из столетия в столетие приемами работы. Тогда мы со Старым Разведчиком сформулировали следующее: *если были внешнеполитические цели у нашего Отечества, то были и задачи в интересах их реализации, которые решались с активным участием разведки.*

Родившись в двадцатые годы прошлого века, Старый Разведчик через несколько лет после нашей встречи, уже в новом столетии и тысячелетии, ушел из жизни. До последнего дня он был в сознании и однажды, в один из весенних дней, не проснулся. Он оставался верным долгу чекиста-разведчика до последнего дыхания. Может быть, потому его правдивая душа ушла в иной мир без телесных страданий.

Незадолго до кончины Василий Михайлович передал весь свой архив мне, взяв с меня слово завершить обработку материала под углом зрения мастерства разведки с качествен-

ной оценкой ее деятельности в конкретных внешних интересах Российского государства.

* * *

В одну из последних встреч с Василием Михайловичем, когда все говорило о том, что конец его жизненного пути близок, он слабеющей, но все еще действующей рукой передал мне потрепанную папку и голосом с нарушенной дикцией сказал:

– Это – мои мысли... очень глубокие... об истоках войны... Я бы сказал так: о фашизме, о войне, о Западе... Они повязаны одной веревочкой... кровавой и позорной...

В руки ко мне перешла выдавшие виды пухлая папка. На ней было выведено крупными буквами несколько слов. При чем было заметно, что эти слова многократно обводились – что случается, когда человек над чем-то усиленно думает. А пока слова резко выделялись на фоне каких-то ранее сделанных карандашных пометок.

– Возьми... сохрани... разберись... Найди возможность опубликовать... Лучше всего тогда, когда... с Запада пойдет очередной вал... обвинений в наш адрес... Будут говорить, что мы, советские, развязали... эту войну... Когда наши псевдодемократы... наши местные... начнут нечестную кампанию уравнивания... фашизма и коммунизма...

Я озадаченно смотрел в глаза Старого Разведчика. А он,

почувствовав мое недоумение, тронул мою руку и промолвил:

– Поверь мне, так и будет... А эти тридцать листов – готовый ответ им, «пятой колонне» Запада... Это... это... – рекви-ем... пятидесяти миллионам жертв прошлой Мировой войны...

Чуть передохнув, Василий Иванович продолжил уже более окрепшим голосом:

– Мы-то с тобой понимаем, что эти... держа-вы не оставят наше Отечество... в покое... Для нас бескровная Третья мировая война уже завершилась... Ведь нет Союза... Государство Российское превратилось... в удельные княжества бывших республик...

Ветеран перевел дыхание, помолчал и продолжил:

– Теперь силы Запада направлены на слом нынешней России... распыление ее на множество национальных уделов...

Василий Михайлович начал успокаиваться и некрепким рукопожатием отпустил меня. Указывая на папку, он только покачивал головой в знак доверия ко мне в этом щепетильном вопросе. И уже вслед мне попросил:

– Как и ранее – никаких ссылок на мое имя... Никаких... Почему – ты знаешь... – Действительно, я знал его обоснованное желание «не высовываться», ибо того требовала его профессия нелегала за рубежом и даже в своей стране.

И уже в дверях он остановил меня, и по его несколько загадочной полуулыбке я понял, что он чем-то хочет меня оза-

дачить. И не ошибся:

– Ты бы и сам понял, но хочу тебя предупредить, что на странице двадцать для тебя приготовлен сюрприз... – Василий Михайлович перевел дыхание и добавил: – Это заставит тебя потерять... спокойствие не на один месяц... может, даже на годы... Но это – сладкая мука... Ею мы заразились с тобой еще там, среди полей станции Сенеж...

Выйдя от него, я думал о неординарной судьбе Человека, Гражданина, Офицера, Профессионала и яркого Патриота до последнего часа жизни. На ум приходили слова ученого – героя фильма шестидесятых годов в исполнении актера Николая Черкасова: «Все остается людям...»

И как бы в доказательство этой мысли я взвесил на руке легкую папку с наследием Старого Чекиста – ветерана войны и разведки. Очередное наследие!

Ознакомился с содержимым папки сразу, придя домой. И оно меня озадачило...

Три слова на обложке папки всю дорогу до дома жгли мою голову: «Фашизм, война, Запад». Когда я развязал тесемки папки и заглянул вовнутрь, то увидел стопку здорово потрепанных листов рукописного текста. И я понял, что мой коллега по службе и в делах с рукописью по истории разведки много работал над этими страницами, строками, словами, ибо весь текст был испещрен пометками, подклейками...

И еще подумал, что наскоком эту рукопись не обработаешь – нужно время... Первый лист особенно отличался множеством помарок, подклеенными полосками с выписками... Чем, собственно, и интриговал.

Но главное – на ней, на этой странице, просматривались попытки Ветерана, видимо, найти заголовок к рукописи. А о том, что он возвращался к нему неоднократно, говорил и разный почерк, и разные чернила, и несколько его вариантов. Вот они:

«Запад породил фашизм и затем войну» (зачеркнуто);

«Фашизм и война – порождение Запада» (зачеркнуто);

«Трагическое детище Запада – фашизм и война» (зачеркнуто).

Тут же пометка: «А где указание на ответственность Запада за них?». И потом – еще: «Фашизм породил Запад и ответственен за войну» (зачеркнуто).

И наконец, крупно: «ЗА ФАШИЗМ И ВОЙНУ ОТВЕЧАЕТ ЗАПАД», а в скобках: «цена этому – жизни 50 миллионов».

Полистав рукопись, я понял: требуется тщательное восстановление текста. И потому не раз я возвращался к заветной папке, но текущие дела с очередной («к 65-летию Победы») рукописью не давали мне сесть за стол и приступить к работе. Правда, кое-что в эту «юбилейную» рукопись поместить удалось.

...Прав был Ветеран: в моих руках оказался листок-памятка на указанной им странице. Прав и в том, что эта памятка не оставила меня в покое на годы и подвигла на новую рукопись.

Что же так встревожило меня? Всего несколько фраз, но какого взрывного содержания: *«Предложения германско-му командованию»: «...прекратить военные действия. Объявить перемирие до 1 августа 1942 года...»; «...СССР к концу 1943 года готов будет начать военные действия с германскими вооруженными силами против Англии и США»; «...вести совместные боевые наступательные действия в целях переустройства мирового пространства...».*

И еще личная пометка Ветерана: «попросить переговорить с Карповым о его книге „Генералиссимус“ – откуда материалы?» (Мне представляется, и читатель поймет: сколько тревожного принесла эта пометка рукой Ветерана?! Сделана она была, вернее всего, после 2002 года, когда вышел двухтомник Владимира Карпова о И. В. Сталине.)

Но все же полностью я смог доработать рукопись Ветерана («Фашизм. Война. Запад»), когда трудился над новой работой – на тему пока необъяснимо загадочных переговоров И. В. Сталина с Германией о перемирии в самый начальный период войны.

А доработав, ужаснулся тому факту, что рукопись Старого Разведчика с его государственным подходом к нашей истории Отечества и Разведки могла... не оказаться в моей по-

следней рукописи, которую читатель сейчас держит в руках. Это было как раз то, чего не хватало в ней для целостного восприятия времени и событий, включая факт «загадочных переговоров» (правда, автор допустил некоторую «вольность», подразделив рукопись на четыре раздела, подобрал к ним эпиграфы и некоторые разъяснения к заголовкам разделов по мере подготовки текста).

Итак, далее наследие Старого Разведчика – «За фашизм и войну отвечает Запад!».

Введение

За фашизм и войну отвечает Запад

«Сильные мира сего» поставили на Гитлера. – Политика изоляции СССР. – «Пакт Риббентропа – Молотова». – Восточный фронт Германии

...Но когда мы сейчас в Европе говорим о новых землях, то мы можем в первую очередь думать только о России...

Гитлер. «Майн кампф». Мюнхен, 1936

Политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, – следовательно, превращение ее в мировую войну.

И. В. Сталин. Март 1939 года

Правительства нацистской Германии, фашистской Италии, Англии и Франции подписали мюнхенское соглашение... Франко-советский пакт – краеугольный камень коллективной безопасности в Европе – был похоронен... Перед гитлеровскими полчищами широко открылись ворота на Восток.

М. Сейерс, А. Канн. «Тайная война против России». 1946.

Крупнейшим международным событием в последствиях Второй мировой войны явился процесс в Нюрнбергском трибунале над гитлеровскими преступниками.

Но еще летом 1946 года правительства США, Англии и Франции договорились между собой об опубликовании захваченных в Германии архивных материалов германского МИД за 1918–1945 годы.

И публикации начались. В начале 1948 года американским госдепартаментом был выпущен в свет сборник донесений и различных дневниковых записей бывших гитлеровских дипломатов под весьма таинственным заголовком «Нацистско-советские отношения 1939–1941 годов».

И вот что характерно: материалы, относящиеся к предыдущим годам и, в частности, к мюнхенскому периоду, в сборник госдепа оказались не включенными, а значит, скрытыми от общественности. И чтобы оправдать в глазах общественного мнения одностороннее опубликование этого тенденциозного материала на основе непроверенных и произвольно подобранных записей гитлеровских чиновников, в англо-американскую прессу была продвинута версия о том, что будто бы «русские отвергли предложение Запада совместно опубликовать полный отчет о нацистской дипломатии».

Итак, в этой недобросовестной игре выявилось: заявление западной стороны не соответствовало действительности (это – во-первых).

Что случилось на самом деле? Летом 1945 года в Англии началась подготовка к опубликованию трофейных документов, захваченных в Германии. В этой работе советская сто-

рона хотела принять участие с целью тщательной и объективной их проверки. Однако английская сторона советское предложение отклонила, посчитав преждевременным обмен копиями захваченных документов.

В сентябре 1945 года под предлогом подготовки нового предложения по проекту обращения с германским архивом и документами для государств, входящих в ООН, англичане и американцы объявили: старый проект считается недействительным и вопрос с повестки дня в ООН снимается.

И снова заявление бывших главных союзников по антигитлеровской коалиции об отказе советской стороны в работе над германским архивом оказалось ложным (это – во-вторых).

Круг замкнулся: факт появления сборника «Нацистско-советские отношения 1939–1941 годов» послужил началом хорошо организованной кампании по фальсификации обстоятельств заключения в 1939 году между СССР и Германией пакта о ненападении, якобы направленного против западных держав.

И здесь заметным оказался тенденциозный след: цель Запада – фальсификация истории и роли в прошедшей войне Советского Союза, который вынес на своих плечах основную тяжесть борьбы с гитлеровской агрессией.

Так что же не соответствовало действительности, явилось ложным, было отклонено и скрыто от общественности бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции?

«Сильные мира сего» поставили на Гитлера

Когда началась Вторая мировая война. – Кто породил гитлеровский режим. – Безучастное участие великих держав

Запад в лице США, Англии, Франции фактически с первых мирных дней активно начал внедрять в сознание граждан Европы (да и всего мира!) впечатление, будто реальная германская агрессия, вылившаяся во Вторую мировую войну, началась с осени 1939 года, с 1 сентября – трагической даты нападения на Польшу.

Но ни тогда, в первые мирные годы, ни тем более сегодня в такую «сенсацию» не могли поверить: кто не знает, что Германия начала активную подготовку к войне сразу после прихода Гитлера к власти (1933)? Кто не знает, что гитлеровский режим был создан германскими империалистическими кругами, причем с полного одобрения и прямой экономической помощи правящих деятелей Англии, Франции и США?

Подготовка к войне имеет несколько этапов, и среди них обеспечение страны новейшим вооружением. Это означало: Германия должна была восстановить и развить свою тяжелую промышленность и ее военную составляющую. Но надежды на свои силы в этом вопросе не было. Страна была

скована условиями Версальского договора, навязанного поражением в Первой мировой войне.

И демилитаризованная Германия получила для военного преобразования мощную поддержку, прежде всего от США. Именно американские банки, с согласия правительства Америки, вложили в германскую экономику миллиарды долларов и предоставили будущему Третьему рейху кредиты в послеверсальский период. Причем львиная доля их пошла на развитие военно-промышленного потенциала страны.

Для Германии был создан «план Дауэса», при помощи которого США и Англия рассчитывали поставить германскую промышленность в зависимость от американских и британских монополий. Так, с 1924 по 1929 год прилив иностранного капитала составил 20 миллиардов марок долгосрочного и краткосрочного вложения (причем американского 70 процентов).

Известна роль в финансировании германской тяжелой индустрии со стороны американских монополий, связь которых с германскими промышленниками не прекращалась даже в годы Второй мировой войны. Это семьи Дюпон, Морган, Рокфеллер и другие.

Вот только один пример: американская «Стандарт ойл» после мюнхенского сговора (1939) заключила договор с германской «И. Г. Фарбениндустри», согласно которому последний имел прибыль от произведенного в США авиабензина. Но американской концерн взамен не стал вывозить из

Германии свой синтетический бензин, а это уже вело к накоплению запасов для военных целей.

Итак, Мюнхен и поглощение Германией Чехословакии. Не дремали деловые отношения между Британией и Германией. Военное значение имели соглашения Федерации британской промышленности с германской имперской группой. В общем заявлении говорилось (Дюссельдорф, 1939): целью соглашения является «стремление обеспечить возможно более полное сотрудничество промышленных систем их стран». Потому в отношении этой дюссельдорфской сделки лондонский журнал «Экономист» писал: «Нет ли в атмосфере Дюссельдорфа чего-то, заставляющего разумных людей терять рассудок?».

Характерными примерами тесного переплетения американского и германского капиталов, а также английского, может служить участие в них магнатов Рура – Германского Стального Шлема, Тиссена, Шредера с их деловыми центрами в Нью-Йорке и Лондоне. С помощью таких «переплетений» в экономику Германии текли огромные капиталы.

И тогда, к 1930 году, иностранный долг Германии увеличился более чем на 30 млрд марок, а германская промышленность была основательно модернизирована с уклоном в военные отрасли для перевооружения армии.

И что потом? Случилось так, что золотой дождь американских долларов и английских фунтов оплодотворил будущую тяжелую промышленность гитлеровской Германии и ее

военную составляющую. Именно так был воссоздан германский военный потенциал, и в руки Третьего рейха было вложено оружие будущей агрессии. А это – первоклассное вооружение, тысячи танков, самолетов, артиллерийских орудий, военно-морских кораблей новейшего типа...

Не потому ли Запад ведет отсчет началу Второй мировой войны с 1939 года? Это ли не попытка уйти от ответственности за свою политику вооружения агрессора? Политику, которая привела к появлению на нашей планете феномена такой войны и невиданной еще в истории военной катастрофы, стоившей человечеству десятков миллионов жертв.

И вот итог. Первой и важной предпосылкой пестования германской агрессии стало возрождение и обновление тяжелой промышленности и военной индустрии Германии в силу прямой и широкой поддержки правящих и деловых кругов США и Англии.

Другим решающим обстоятельством, содействовавшим развязыванию гитлеровской агрессии, явились безответственные шаги правительств Англии и Франции, которые известны как политика «умиротворения» гитлеровской Германии: политика пренебрежения коллективной безопасностью, политика потакания агрессивным требованиям Третьего рейха и политика отказа от отпора германской агрессии.

Что говорят факты? Гитлер пришел к власти, и английское и французское правительства в Риме подписали «Пакт

согласия и сотрудничества» четырех держав – Англии, Германии, Франции и Италии. Так состоялся первый официальный сговор с германским и итальянским фашизмом. Тем самым фашизмом, который уже тогда не скрывал своего пренебрежения западными демократиями в своих агрессивных намерениях, опираясь при этом на собственные идеологические и партийные документы.

Такой сговор можно было расценивать как удар по делу обеспечения мира и безопасности европейских народов, и не только их. Причем этот сговор случился в обход остальных держав – участниц проходившей тогда конференции по разоружению, на которой обсуждалось советское предложение о заключении пакта о ненападении.

Получается так, что «сговор четырех» фактически торпедировал возможность создания коллективной безопасности, столь необходимой не только советской стороне, но и народам Европы. Теперь можно с большой долей вероятности предположить, что это были первые шаги Запада по направлению германской агрессии на Восток, с конечной целью – Советской Россией (трудно отрицать такое тем, кто хорошо был знаком с «библией фашизма»).

Следующим шагом и серьезной брешью в здании коллективной безопасности стал германско-польский пакт о ненападении, который фактически был детищем Англии и Франции (1934). Гитлер использовал польскую враждебную позицию в отношении СССР и достиг этим пактом своей цели:

разобщить силы коллективной безопасности, переведя их в режим двухсторонних соглашений.

1935 год принес Германии множество поблажек в плане открытого восстановления вооруженных сил страны. И... никакого возражения со стороны англичан и французов. Наоборот, появились англо-германские соглашения (двусторонние) о значительном восстановлении германских военно-морских сил с процентами соотношения тоннажа для подводных лодок в «пользу» англичан – всего 45 % (это потом уже будет многократное превосходство адмирала Дёница над английским подводным флотом и у Германии появятся «Бисмарк», «Тирпиц» и другие линкоры-монстры). «Под шумок» этих поблажек Германия в одностороннем порядке ликвидировала другие ограничения на рост вооружений.

От слов к делу: итальянская интервенция проявилась в Абиссинии. Германия помогала агрессору вооружением, снабдив итальянцев современными отравляющими веществами. Запад скромно помалкивал, и только Советский Союз последовательно проводил политику мира, решительно выступая против такого акта агрессии. В Лиге Наций советский глава НКВД говорил: «...итало-абиссинская война показывает, что угроза мировой войны все более нарастает, все больше захватывает Европу».

Все предвоенное время Советский Союз вел настойчивую и длительную борьбу в одиночку с позиции Лиги Наций за сохранение и укрепление коллективной безопасности. Кон-

кретные меры советской стороны встречали активное противодействие членов этого международного органа, и под руководством правительств Англии и Франции (под беззвучные аплодисменты Гитлера) благие намерения СССР были похоронены в архивах, так и не получив никакого движения.

Это уже был открытый отказ от коллективного отпора германской агрессии. Становилось понятным, что англо-французские правящие круги считают: удовлетворив германские агрессивные устремления уступками на Западе, можно было направить агрессию на Восток и использовать ее в качестве орудия против СССР.

В марте 1939 года в отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б), объясняя причины усиления гитлеровской агрессии, И. В. Сталин говорил:

«Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессору, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию „нейтралитета“».

Фактически задолго до формального начала мировой войны в международных делах выстроились две политические линии – борьба за мир на условиях коллективной безопасности и отказ от организации коллективной безопасности как шага по противодействию агрессивным планам фашистских государств.

Надо ли подчеркивать, что такой отказ неизбежно поощ-

рял фашистские страны к усилению их агрессивной политики – и, как следствие, мир скатывался к развязыванию новой мировой бойни.

Вот печальный вывод с трагическими последствиями. Помощь США в короткий срок способствовала созданию военно-экономической базы германской агрессии и вооружила ее (во-первых), отказ англо-французских правящих кругов от коллективной безопасности расстроил ряды миролюбивых сил и разложил единый фронт этих стран против агрессии (во-вторых), политика «невмешательства» вылилась в реальную политику «безучастного участия» (в-третьих) – что, собственно, и расчистило дорогу для гитлеровской агрессии и, можно считать, вместе с Гитлером развязало Вторую мировую войну.

Итак, попытка ввести Германию в тиски режима коллективной безопасности и уменьшить шансы развязывания войны до минимума не удалась. Ведь в этом случае, попытайся Гитлер начать мировую войну, Германия была бы разбита в первый ее год! Не удалось, не получилось...

Так кто же виноват в том, что гитлеровцы смогли не без успеха развязать Вторую мировую войну, продлившуюся шесть лет и поглотившую десятки миллионов жертв?

Справка. На этом фоне справедливо ли считать Нюрнбергский трибунал только скамьей подсудных гитлеровцев? Во всем мире жестко караются и пособники любых преступ-

лений, и часто даже более сурово!

Политика изоляции Советской России

Против кого «ось Берлин – Рим – Токио». – Советские усилия против агрессора. – «Мюнхенский сговор» против... всех

Дальнейшее развитие событий еще более отчетливо показало, что правящие круги Англии и Франции своими уступками фашистским государствам, объединившимся в военно-политический блок «ось Берлин – Рим» (1936), только подталкивали Германию на путь все новых захватов.

Отвергая политику коллективной безопасности, Англия и Франция перешли на политику так называемого невмешательства, о которой говорил глава Советской России И. В. Сталин в канун начала Мировой войны (1939):

«...Политику невмешательства можно охарактеризовать таким образом: „пусть каждая сторона защищает себя от агрессии, как хочет и как может“... На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязыванию войны, – следовательно, превращению ее в мировую войну».

Это означало, что «большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом». Серьезные политики и в Европе, и в мире понимали, что грядет «Большая

шая война», но понимали ли они, что она может закончиться мировой катастрофой?!

Политики за океаном, на своем «американском острове», отсиделись два года во время Первой мировой войны, вступив в нее лишь в 1916 году. Теперь, в середине тридцатых, им бы прислушаться к горькой констатации факта, сформулированной талантливим американским разведчиком времен той войны адмиралом Эллисом Захариасом: *«...не может быть изолированной войны, которая велась бы одной великой державой. Рано или поздно она вызовет всемирный пожар...»*.

А пока в политической элите Америки преобладали настроения с акцентом на желание в случае войны снова отсидеться или вступить в нее в выгодный для американской стороны момент. И грядущую войну американские политики называли «Европейской» с некоторым ироническим подтекстом. Не отсиделись... Не смогли... Вынуждены были втянуться в нее.

Захваченные специальной группой чекистов после разгрома Германии документы МИД Третьего рейха раскрыли подлинную сущность внешней политики Англии и Франции того периода: *не объединять государства для совместной борьбы против фашизма и агрессии, а изолировать Советский Союз и направить гитлеровскую агрессию на Восток, против СССР; использовать Гитлера как орудие в своих антибольшевистских и антироссийских целях.*

При этом западная политическая сторона прекрасно знала основное направление германской внешней политики в довоенное время. А потому действовала безошибочно, опираясь на главный постулат из гитлеровской «библии фашизма» («Майн кампф», Мюнхен, 1936):

«Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под направлением нашей внешней политики в довоенное время. Мы начинаем с того, на чем остановились шесть веков тому назад. Мы приостанавливаем вечное стремление германцев на Юг и Запад Европы и обращаем свой взор на земли на Востоке.

Мы порываем, наконец, с колониальной и торговой политикой довоенного времени и переходим к территориальной политике будущего.

Но когда мы сейчас в Европе говорим о новых землях, то можем в первую очередь думать только о России и подвластных ей пограничных государствах. Кажется, что сама судьба указывает нам путь».

Это было задумано за десять с лишним лет до Мировой Бойни. Задумано, сказано, открыто и нагло провозглашено на весь мир, причем за считанные месяцы до «мюнхенского сговора»...

Но тот факт, что американская сторона исключила из публикуемого сборника германские архивные документы, относящиеся к этому «сговору», свидетельствует: правительство США было заинтересовано через год после Великой Побе-

ды над фашизмом попытаться обелить героев мюнхенского предательства – британского премьер-министра Чемберлена и французского главу Даладье. Мало того, свалить вину Запада на Советскую Россию.

Однако имеющиеся в руках советского правительства документы германского МИД давали многочисленные дополнительные факты, раскрывающие действительный смысл дипломатии западных держав в предвоенный период: какая шла игра судьбами народов? как беззастенчиво торговли чужими территориями? как втайне перекраивалась карта мира? как подбадривалась германская агрессия? какие предпринимались усилия, чтобы направить эту агрессию на Восток – против Советской России?

Об этом красноречиво говорит, например, германский документ, содержащий запись беседы между Гитлером и английским министром Галифаксом 19 ноября 1937 года.

Галифакс заявил, что «он и другие члены английского правительства проникнуты сознанием, что фюрер достиг многого не только в самой Германии, но что в результате уничтожения коммунизма в своей стране он преградил путь последнему в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма» (!).

И в этой же беседе Галифакс от имени английского правительства сделал Гитлеру предложение о присоединении Англии, а вместе с тем и Франции, к «оси Берлин – Рим» (!!).

И далее из записи беседы видно, что английское правительство одобрительно отнеслось к гитлеровским планам «приобретения» Данцига, Австрии и Чехословакии. При этом Галифакс в отношении упомянутых города и стран заявил: «...Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции...» Видимо, стыдливо заявил? Но нет, это уже был тайный сговор англичан с Гитлером, и он уже удовлетворял захватнические аппетиты Германии за счет третьих стран (!!!).

Когда была эта встреча Галифакса с Гитлером? Еще в 1937 году? Тогда нужно ли удивляться, что «мюнхенский сговор» был реализован столь стремительно? Если был «Мюнхен-1» (1937) и «Мюнхен-2» (1939)?!

А что было в 1938 году? Тоже «Мюнхен», но не «один» и не «два». Так, между прочим, разменной монетой английского спокойствия стала Австрия.

В феврале этого года британский премьер-министр Чемберлен, в будущем – один из отцов «мюнхенского сговора», заявил, что Австрия не может рассчитывать на какую-либо защиту со стороны Лиги Наций в случае агрессии, потому что «ничего подобного не может быть предпринято». Якобы «не может быть», то есть «эволюция с ножом за пазухой» – это не агрессия.

И «эволюция» начала шагать по Европе. Уже 12 марта 1938 года Гитлер поглотил Австрию.

Через пять дней советская сторона направила ноту евро-

пейским державам, выражая свою готовность «приступить немедленно к обсуждению... практических мер», которые «имели бы целью приостановить дальнейшее распространение агрессии и устранение усиливающейся опасности новой мировой бойни». Ответ английской стороны, например, был иезуитским: «согласованные действия против агрессии не обязательно окажут благоприятное воздействие на перспективы европейского мира» (по меркам Нюрнберга такими пособниками «эволюции» место рядом с самими «эволюционистами», не правда ли?!).

Итак, первый захват – Австрия. Следующим звеном в цепи германской агрессии и подготовки войны в Европе был захват Германией Чехословакии. И снова подобный захват не смог произойти без прямой поддержки Англии и Франции.

Позорной мюнхенской сделке предшествовало уведомление английским правительством германского посла в Лондоне о том, что оно понимает наиболее существенные пункты основных требований, выставленных Германией «в отношении отстранения Советского Союза от решения судеб Европы, отстранения Лиги Наций в этом же смысле». И наконец, Берлин получил подтверждения, что Англия готова принести большие жертвы во имя «удовлетворения других справедливых требований Германии».

А далее английская и французская стороны потребовали от Чехословакии уступить Германии чехословацкие земли,

населенными судетскими немцами, заявив, что без этого шага якобы невозможно поддержание мира и обеспечение жизненных интересов самой Чехословакии.

Вот так англо-французские покровители Гитлера отказывали Чехословакии в защите ее границ, на которые готов был встать своими войсками СССР.

Постыдная сделка завершилась 29–30 сентября 1938 года в Мюнхене на совещании Гитлера, Чемберлена, Даладье и Муссолини – такой вот «великолепной четверкой» заговорщиков против мира. Цинизм в политике – чаще всего норма. Но такого циничного отношения к многомиллионной стране и члену Лиги Наций трудно найти в истории Европы. Дело в том, что судьба Чехословакии была решена без ее участия в совещании. Представители ее покорно ждали результатов сговора.

Таким образом равновесие сил в Европе было уничтожено, и это повлекло далеко идущие последствия для всех остальных государств. Неслыханный акт предательства со стороны английского и французского правительств вовсе не был случайным эпизодом в делах этих государств, а являлся на самом деле важнейшим звеном в их действиях с целью направить гитлеровскую агрессию против Советской России.

Советская сторона, разоблачая истинный смысл «мюнхенского сговора», отмечала, что *«немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом».*

Вот как И. В. Сталин определил существо англо-французской политики в этот период:

«В политике невмешательства сквозит стремление, желание – не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутываться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, втянуться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, – выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, „в интересах мира“, и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия».

В США, Англии и Франции общественность встретила мюнхенское соглашение с возмущением. Отголоском этого отношения к позорной сделке тридцатых годов стал анализ прошедших событий на страницах статей, книг и целенаправленных исследований. Так, уже в послевоенной книге «Тайная война против Советской России», изданной на Западе авторами М. Сайерсом и А. Каном в 1946 году, о Мюнхене говорилось следующее:

«Правительства нацистской Германии, фашистской Италии, Англии и Франции подписали мюнхенское соглашение – сбылась мечта об антисоветском „Священном союзе“, которую мировая реакция лелеяла с 1918 года. Соглашение оставило Россию без союзников. Франко-советский пакт –

краеугольный камень коллективной безопасности в Европе – был похоронен. Чешские Судеты стали частью нацистской Германии. Перед гитлеровскими полчищами широко открылись ворота на Восток».

Уже 30 сентября была подписана англо-германская декларация о взаимном ненападении, 6 декабря – франко-германская о том же. Цель соглашений – отвести от себя угрозу гитлеровской агрессии в расчете, что мюнхенские и другие подобные соглашения уже развязали руки германскому агрессору на Востоке, в направлении Советской России.

Вот так специалистам по «бескровной эволюции» в Европе в лице Англии и Франции удалось создать политические условия, необходимые для «объединения Европы без России».

Дело шло к полной изоляции Советского Союза в преддверии германской агрессии на Востоке.

Пакт «Молотова – Риббентропа»

Договор о коллективной безопасности. – План «Вайс» против Польши. – Пакт – дипломатическое искусство

После захвата Чехословакии фашистская Германия стала готовиться к войне уже совершенно открыто и на глазах у всего мира. Гитлер перестал церемониться и притворяться сторонником мирного урегулирования европейских проблем. Наступили самые драматические месяцы предвоенного периода – каждый день приближал человечество к невиданной военной катастрофе.

Что делали правительства Англии и Франции в этой ситуации? И что предпринял Советский Союз? Политика английского и французского правительства при поддержке США в роковые месяцы весны и лета 1939 года продолжала прежнюю линию поощрения агрессора. Но появилось новое – они предприняли маневры в форме переговоров с Советской Россией для обмана общественного мнения. Это была двойная игра на мнимое сотрудничество с Советами для «воспрепятствования расширению» гитлеровской агрессии.

Советская сторона знала об этой игре и знала время нападения на Польшу. Захваченные после войны документы германского МИД, в частности германского посла в Лондоне, так описывают обстановку с двойной игрой Запада (3 авгу-

ста 1939 года):

«Здесь преобладает впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другим государством являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будут достигнута единственно важная и достойная усилий цель – соглашение с Германией».

Это говорит о том, что Германия была в курсе переговоров между Москвой с одной стороны и Лондоном и Парижем с другой. Переговоры начались в марте и продолжились около четырех месяцев.

Советская сторона искала пути удержания Германии от развязывания войны в Европе, но цели «триады» великих держав были иными. Они хотели навязать Советскому Союзу обязательства, в силу которых наша страна взяла бы на себя всю тяжесть по отражению возможной агрессии. При этом ни Англия, ни Франция не связывали бы себя никакими обязательствами по отношению к СССР. Не было ли это очередной попыткой взаимного военного ослабления двух держав, как это случилось в начале века в годы Первой мировой войны?

Их, Англии и Франции, сверхцель – столкнуть лбами Германию и СССР. Замысел был разгадан, и на всех этапах переговоров советская сторона противопоставила дипломатическим уловкам открытые и ясные предложения с одной целью – защиты мира в Европе.

Каким путем? Заключением эффективного пакта о взаимопомощи, гарантированной государствами Европы, и конкретного военного соглашения против агрессии.

О проволочке с переговорами Лондона и Парижа с Москвой крупный английский политик Ллойд Джордж выступил во французской газете «Ле суар» с резкой статьей, направленной против руководителей английской политики. Касаясь причин той «беспокойной канители», в которой завязли переговоры трех стран, он писал, что на этот вопрос возможен лишь один ответ: *«Невилл Чемберлен, Галифакс и Джон Саймон не желают никакого соглашения с Россией»*.

А что было известно по этому поводу в Москве? По большому счету? Западные державы и не помышляют о серьезном соглашении с СССР, а преследуют цель подтолкнуть Гитлера к скорейшему нападению на Россию. При этом стремятся обеспечить на случай войны наименее благоприятные условия для советской стороны.

Одна из причин затягивания переговоров с Москвой была предана гласности лондонской «Таймс», которая писала: «Быстрый и решительный союз с Россией может помешать другим переговорам».

Москве было известно, что под «другими переговорами» англичане имели в виду возможный английский заем Германии и заключение широкого соглашения с германской крупной промышленностью.

На переговорах военные миссии обеих стран отказались

вести разговор о военной помощи со стороны СССР в случае нападения Германии на какую-либо страну, например Польшу (вспомните план «Вайс» с датой нападения 1 сентября!). Но польское правительство отказалось принять советскую помощь и пропустить наши войска к германской границе. Почему? Опасалось усиления Советской России. Позицию Польши поддержали Англия и Франция.

А ведь наша страна предлагала выставить против агрессора 136 дивизий, 5000 орудий, 10 000 танков, свыше 5000 боевых самолетов. Если бы эти войска, пройдя Польшу, вышли на границу с Германией, войны можно было бы избежать, хотя бы на время! Цена этому безрассудству известна – 6 миллионов польских жизней!

Вывод о провале англо-франко-советских переговоров не может удивлять.

Во-первых, конкретные предложения советской стороны были отвергнуты, хотя такие соглашения могли бы стать эффективным способом образумить агрессора, избалованного полной безнаказанностью и попустительством западных держав на протяжении многих лет.

Во-вторых, поведение правительств Англии и Франции говорило о политике этих стран, не имеющей ничего общего с интересами мира и борьбой с агрессией.

В-третьих, коварный замысел англо-французской извращенной политики заключался в том, чтобы дать понять Гитлеру: у СССР нет союзников, СССР изолирован, и Гитлер

может напасть на СССР, не рискуя встретиться с противодействием со стороны англичан и французов.

Провал переговоров был не случайным. Срыв их был заранее запланирован западной стороной. Дело в том, что наряду с открытыми переговорами с СССР англичане вели закулисные переговоры с Германией, и этим последним они придавали несравнимо большее значение.

Программу англо-германских переговоров с возможным последующим заключением пакта сформулировал министр иностранных дел Британии Галифакс, который обращался к Гитлеру с недвусмысленными призывами в то самое время, когда чиновники английского МИД вели переговоры в Москве (июнь 1939 года).

Говоря о вопросах, «внушающих миру тревогу», он отмечал: «В такого рода новой атмосфере мы могли бы обсудить политическую проблему, вопрос о сырье, о торговле бартером, о „жизненном пространстве“, об ограничении вооружений...»

Еще в 1933 году близкая к Галифаксу консервативная газета «Дейли мейл» предлагала гитлеровцам отхватить от СССР «жизненное пространство» (а теперь, в 1939 году, речь шла об открытом предложении договориться с Гитлером о разделе мира и сфер влияния, решать все вопросы без СССР и главным образом за счет СССР). А тогда для Германии предусматривалось предоставление преобладающего влияния в юго-восточной Европе, причем особое место

отводилось «разграничению жизненных пространств между великими державами, особенно между Англией и Германией».

А теперь... Если бы этот пакт был подписан, то Англия отказывалась от только что предоставленных ею гарантий Польше. А данцигский вопрос предлагалось решать Германии с Польшей... один на один, но с обязательствами со стороны англичан не вмешиваться в их разрешение.

Германский посол в Лондоне в момент переговоров сообщал в Берлин, что английские гарантии в отношении Польши будут ликвидированы и «тогда Польша была бы, так сказать, оставлена в одиночестве лицом к лицу с Германией».

Все это означало, что правители Англии были готовы выдать Польшу на растерзание Гитлеру в то самое время, когда еще не просохли чернила, которыми были подписаны английские гарантии этой самой Польше. И тогда такое англо-германское соглашение еще более ослабило бы возможность скорейшего столкновения между Германией и СССР. На это англичане не могли пойти...

Таково было поведение правителей Англии, которым рисовалась заманчивая картина прочного пакта с Германией и так называемая «канализация» германской агрессии на Восток против недавно «гарантированной» ими Польши и против Советской России.

Это было за несколько дней до начала Второй мировой войны. А в 1946 году, там, за океаном, в той публикации гер-

манских документов эти факты тщательно замалчивались с целью скрыть сам факт: почему в тогдашней обстановке война становилась неизбежной?!

И хотя подлинные документы, подтверждающие ход событий в преддверии войны, были получены лишь после прихода Красной армии в Берлин, их содержание было известно в Кремле, как и позиция Лондона и Парижа в отношении Германии, включая заокеанское мнение по грядущей войне.

А позиция была предельно проста, причем провокационная: Англия и Франция не только не были намерены что-либо всерьез предпринять с целью помешать Гитлеру развязать войну, но, наоборот, делали все от них зависящее, чтобы методами тайных сговоров и сделок натравливать Германию на СССР.

И потому в этих условиях выбор, стоявший перед Советской Россией, был таков:

либо принять в целях самообороны сделанное Германией предложение о заключении договора о ненападении и тем самым обеспечить нашей стране продление мира еще на некоторый срок, который мог быть использован в целях лучшей подготовки своих сил для отпора возможному нападению агрессора;

либо отклонить предложение Германии насчет пакта о ненападении и тем самым позволить провокаторам войны из лагеря западных держав немедленно втравить СССР в вооруженный конфликт с Германией в совершенно невыгод-

ной для советской стороны обстановке, да еще при условиях полной его изоляции.

В этой обстановке советское правительство оказалось вынуждено сделать свой выбор и заключить с Германией пакт о ненападении. Этот выбор оказался весьма дальновидным шагом советской внешней политики при создавшейся тогда ситуации грядущего вторжения гитлеровских войск в Польшу. И в известной степени предопределил благоприятный для СССР исход Второй мировой войны.

Еще в годы войны, в 1944 году, государственный чиновник высокого ранга в американской администрации отдал должное шагу советской стороны в вопросе заключения «пакта Риббентропа – Молотова», как окрестили его на Западе. Заместитель госсекретаря США С. Уэллис так оценил его появление за несколько дней до начала Второй мировой войны:

«С практической точки зрения важно отметить, что советско-германское соглашение дало возможность советскому правительству добиться преимуществ, которые два года спустя, когда произошло давно ожидаемое нападение Германии, сыграли для Советского Союза огромную роль».

Сразу после войны бывшие союзники по антигитлеровской коалиции немедленно переоделись в одежды противников всего советского и стали утверждать, что заключение пакта с гитлеровцами входило в план внешней политики СССР. Наоборот, Советская Россия все предвоенное вре-

мя стремилась к тому, чтобы иметь соглашения с западными неагрессивными государствами против германско-итальянских агрессоров в целях проведения политики коллективной безопасности на началах равенства.

В связи с указанным выше характерен такой факт: из всех европейских стран СССР оказался последним государством, заключившим соглашение о ненападении с Германией, причем за считанные дни до реализации Гитлером «плана Вайс» – атаки на Польшу.

К этому моменту Германия вовлекла в «союзнические договоры» всю Европу, за исключением оккупированных ею двенадцати стран. В «дружеской паутине» соглашений с Германией барахтались будущие наши союзники по войне – взрастившие фашизм и подготовившие мировую бойню Англия и Франция при прямой экономической помощи агрессору со стороны их заокеанского друга США.

Вот и получается, что США не противодействовали пагубной политике направления агрессии на Восток, против СССР, и даже после войны пытались осудить советскую сторону за право защищаться перед угрозой нашествия на нашу страну – хотя бы с помощью «бумажного договора».

В дни появления публикаций из архивов нацистского рейха одна из левых европейских газет верно подметила роль американских миллиардеров в появлении на Европейском континенте вооруженной до зубов Германии. Они, миллиардеры, считали германскую агрессию грядущей трагедией

и лишь европейской войной. Помогая Гитлеру вооружаться, они приговаривали: «воюйте, господа европейцы, на здоровье, воюйте с божьей помощью, а мы, скромные американские миллиардеры, будем наживаться на вашей войне, загребая сотни миллионов долларов сверхприбылей...» И ведь нажились...

И потому можно однозначно сказать: к пакту с Германией подтолкнула Советскую Россию враждебная политика Запада.

Отсюда ряд «почему?». С подтекстом – кто первый начал марафон с союзническими договорами с Германией, причем все более с яркой окраской антисоветской и антироссийской направленности.

1934 год: почему Польша, имея союзников в лице Англии и Франции, могла пойти на пакт с Гитлером о ненападении?

1938 год: почему Англия и Франция, представлявшие господствующую силу в Европе, могли пойти на совместную с гитлеровцами декларацию о ненападении?

1939 год: а почему СССР, находившийся в менее благоприятных условиях и изолированный благодаря враждебной политике тех же Англии и Франции, не мог пойти на такой шаг с Германией?

Разве это не факт, что из всех неагрессивных больших держав Европы СССР был последней державой, которая вынуждена была пойти на пакт с Германией?!

Что раздражает фальсифицирующих историю Вторую ми-

ровой войны политиков и историков, когда речь заходит о предвоенном периоде? Потому что...

СССР удалось умело использовать советско-германский пакт в целях укрепления своей обороноспособности;

СССР удалось отодвинуть свои границы далеко на Запад и преградить путь беспрепятственному продвижению германской агрессии на Восток; гитлеровским войскам пришлось начать свое наступление на Советскую Россию не с линии Нарва – Минск – Киев, а с государственной границы, проходящей на сотни километров западнее;

СССР не истек кровью в Отечественной войне, а вышел из этой трагедии народов мира победителем.

Политические и дипломатические баталии в последние дни перед началом мировой войны и через десятилетия тревожат глубоко мыслящих людей, даже из страны традиционного политического и экономического противника России. Далеко видящие политики разглядели еще одну положительную для СССР грань в факте появления «пакта»:

«Мерой достижения Сталина можно считать изменение расписания войны и приоритетов Гитлера... Искусство, с которым это было сделано, вполне могло быть заимствовано из учебников по дипломатическому искусству XVIII века» (Генри Киссинджер, американский госсекретарь 1973–1977).

Примечание. Но ведь дипломатическое искусство в ука-

занное Киссинджером время носило характер дипломатической разведки с ее тайными приемами влияния Петра I и Екатерины II на события в зарубежной политике России. Не на этом ли зиждется расчет И. В. Сталина на успех в загадочных секретных «переговорах» с Германией о перемирии в начале 1942 года?!

Восточный фронт Германии

Агрессия против СССР – в пользу Запада. – «Русская карта» в «блицкриге». – Неустойчивые союзники России

Заключая советско-германский пакт о ненападении в августе 1939 года, советская сторона ни на минуту не сомневалась, что рано или поздно Гитлер вторгнется в просторы России.

Такая уверенность советских руководителей вытекала из основной политической и военной установки гитлеровцев. Она подтверждалась практической деятельностью Третьего рейха за весь предвоенный период, когда Гитлер прибрал к рукам фактически весь Европейский континент путем опоры на «ось», союзников и «нейтралов» или просто оккупировав страны.

Поэтому первая задача советского правительства состояла в том, чтобы создать свой «восточный» фронт против гитлеровской агрессии, построить линию обороны у западных границ и организовать таким образом барьер против беспрепятственного продвижения германских войск на Восток, в глубь нашей страны. Для этого нужно было воссоединить Западную Белоруссию и Западную Украину и выдвинуть туда советские войска.

С этим нельзя было медлить, так как плохо подготовлен-

ные польские войска оказались нестойкими, польское правительство и военное командование находилось в бегах, и гитлеровские войска, не встречая серьезного сопротивления, могли занять белорусские и украинские земли раньше, чем туда придут советские войска.

В начале третьей недели Второй мировой войны, 17 сентября 1939 года, по приказу советского правительства советские войска перешли довоенную советско-польскую границу и развернули там строительство оборонных рубежей. Спустя несколько дней были подписаны пакты о взаимопомощи с прибалтийскими государствами, где были размещены гарнизоны Красной армии, начато строительство аэродромов и военно-морских баз.

Таким образом был создан фундамент «восточного» фронта. Это явилось серьезным вкладом в дело безопасности не только СССР, но и в общее дело государств, ведущих борьбу против гитлеровской агрессии. Но... англо-франко-американские круги ответили на этот шаг СССР антисоветской кампанией, квалифицируя его действия как агрессию. Но все ли думали так?

Проницательные политические деятели Запада поняли смысл советской политики и признали правильным создание «восточного» фронта. Среди них первое место принадлежало «врагу Красной России № 1» Уинстону Черчиллю, тогда еще военно-морскому министру Британии. В своем выступлении по радио 1 октября 1939 года, после ряда недруже-

ственных выпадов в адрес Советской России, он весьма прозорливо заметил:

«То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть. Когда г-н фон Риббентроп был вызван на прошлой неделе в Москву, то это было сделано для того, чтобы он ознакомился с этим фактом и признал, что замыслам нацистов в отношении Балтийских государств и Украины должен быть положен конец».

Однако на северной границе СССР с безопасностью дело обстояло сложнее. Здесь на расстоянии 32 километров от Ленинграда стояли финские войска, командный состав которых в своем большинстве ориентировался на гитлеровскую Германию. И Москве было известно, что финские руководящие круги состоят в союзе с гитлеровцами и что они готовы предоставить Финляндию в качестве плацдарма при нападении Германии на СССР.

Советская сторона предложила Финляндии отодвинуть границу на несколько десятков километров на Карельском перешейке и соглашалась взамен уступить вдвое большую территорию Советской Карелии. При этом Финляндия отклонила также предложение СССР о заключении пакта о взаимопомощи – что было расценено советской стороной как

факт необеспеченности своей безопасностью со стороны этого государства.

Этими и другими подобными враждебными действиями и провокациями на советско-финской границе Финляндия фактически создала предпосылки к войне с СССР.

Результаты этой войны известны: на северо-западе граница СССР в районе Ленинграда была отодвинута, и безопасность страны укреплена. В последующем это сыграло важную роль в годы Великой Отечественной войны. Ведь Германии и Финляндии пришлось начинать свое наступление на СССР не под самым городом на Неве, а с линии на 150 километров к северо-западу.

В марте 1940 года нарком иностранных дел В. М. Молотов заявил:

«...Советский Союз, разбив финскую армию и имея полную возможность занять всю Финляндию, не пошел на это и не потребовал никакой контрибуции в возмещение своих военных расходов, как это сделала бы всякая другая держава, а ограничил свои пожелания минимумом...» .

Конфликт с Финляндией закончился мирным договором, но послушные Западу страны – члены Лиги Наций объявили СССР «агрессором» и проголосовали за исключение СССР из этой международной организации.

Мало того. В этой войне Англия и Франция подстрекали Финляндию к продолжению военных действий. Они снабжали финнов оружием и готовили к отправке в эту страну сто-

тысячный экспедиционный корпус.

В марте 1940 года Чемберлен в палате общин заявил, что Англия передала финнам 101 самолет, свыше двухсот орудий, сотни тысяч снарядов, авиационных бомб и противотанковых мин. Одновременно Даладьё сообщил в палате депутатов, что французская сторона поставила финнам 175 самолетов, около 500 орудий, пять с лишним тысяч пулеметов, миллион снарядов и ручных гранат.

О планах английского и французского правительства этого времени можно судить по памятной записке, переданной англичанами шведской стороне 2 марта 1940 года, в которой говорилось:

«Союзные правительства понимают, что военное положение Финляндии становится отчаянным. После тщательного рассмотрения всех возможностей они пришли к выводу, что единственным средством, при помощи которого они могут оказать эффективную помощь Финляндии, является посылка союзных войск, и они готовы послать такие войска в ответ на финскую просьбу».

И англичане довели численность корпуса до 100 000, а французы – до 50 000. Отpravку предполагалось провести через порт Нарвик.

Характерно, что эту воинственную браваду англо-французские правители развивали в то время, когда на фронте против гитлеровской Германии эти страны не проявляли никакой активности и когда велась так называемая «Странная

война».

Но военная помощь Финляндии была лишь только частью англо-французского замысла против СССР. Так, в «Белой книге» шведского МИД имеется документ, в котором говорится, что «посылка этого контингента войск входила в общий план нападения на Советский Союз» и что этот план «начиная с 15 марта будет введен в действие против Баку, а ранее – через Финляндию» («Записки министра Гюнтера для памяти от 2 марта 1940 года»).

Об этом плане писалось в книге «Де Голль – диктатор»: «Согласно этому плану... моторизованный экспедиционный корпус, высадившийся в Финляндии, через Норвегию быстро расшвырял бы беспорядочные орды России и пошел бы на Ленинград...»

Этот план разрабатывали во Франции де Голль и генерал Вейген, командовавший тогда французскими войсками в Сирии. Этот генерал похвалялся: «с некоторыми подкреплениями и двумя сотнями самолетов он овладел бы Кавказом и вошел бы в Россию, как нож в масло» (интересно, в какой «замазке» оказался Вейген при вторжении гитлеровского вермахта во Францию в том же 1940 году?).

Генеральные штабы новоиспеченных союзников на анти-советской основе предлагали своим правительствам планы нападения – им хотелось вместо войны с Гитлером повоевать против СССР. Но планам было не суждено реализоваться – Финляндия капитулировала, несмотря на усилия Англии и

Франции воспрепятствовать этому. Шел трагический 1940-й... Ведь до вступления германского солдата в Париж оставались считанные дни, как и до массированных бомбардировок Лондона!

Формирование «восточного» фронта против германской агрессии закончилось от Балтийского до Черного морей, когда советские войска вошли на земли Балтии согласно пактам с Прибалтийскими странами и в Молдавию (Буковину, оторванную в годы революции от России королевской Румынией, советская сторона присоединила сама).

Создание «восточного» фронта означало коренной перелом в развитии войны – западные «демократы», допустившие Гитлера на земли всей Европы, еще не осознавали, что там, на Востоке, формируется будущий главный фронт мировой войны. А пока западные правители не понимали, что речь идет не об ущемлении национальных прав Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии и Польши, а о том, чтобы предотвратить преждевременное превращение этих стран в бесправную колонию гитлеровского Третьего рейха.

Ведь точно так же, несмотря на протесты египтян, поступили англичане в Египте, когда преградили путь гитлеровскому вермахту в сторону Суэцкого канала. И Египет не стал гитлеровской колонией. Конечно, со стороны Англии это превентивная мера не была агрессией. Или США, несмотря на протесты марокканцев, высадили свои войска в Марокко. Они создали плацдарм противодействия германской агрес-

сии вблизи Западной Европы. Разве это со стороны американцев был акт агрессии?

Историки не любят «если бы» – и это понятно. Но коли появилось у нас такое течение в исторической литературе, как «*альтернативная история*», то занимающиеся историей вправе прогнозировать иное развитие ситуации в грядущей мировой войне, в тридцатые годы названной американцами «Европейской».

Возьмем за предположение тезис: что было бы, если СССР не создал «восточный» фронт далеко на западе от старых границ своей страны еще до нападения Германии? И если бы фронт проходил не по линии Выборг – Каунас – Белосток – Брест – Львов?

Это дало бы войскам Гитлера выиграть пространство на сотни километров, приблизив германский фронт к Ленинграду – Москве – Минску – Киеву на 200–300 километров. Что случилось бы с Киевом, Москвой, Ленинградом под давлением германских и финских войск на первом этапе войны?

Конечно, СССР перешел бы к длительной обороне, а это дало бы Гитлеру возможность высвободить на Восточном фронте дивизий пятьдесят для... высадки на Британские острова и для усиления германско-итальянских сил в районе Египта.

Этого не случилось, потому что в процессе «блицкрига» германские войска оказались измотанными и обескровлен-

ными именно на пространстве этих 200–300 километров, потеряв в среднем до половины своего людского состава и более половины своего вооружения и техники.

Дальновидные германские военные, политические и экономические деятели еще на подступах к Москве записывали в свои личные дневники: «цели „блицкрига“ не достигнуты», «нас ожидает позиционная война», а наиболее прозорливые – «война уже проиграна»...

Но это еще не все. Длительная оборона СССР привела бы к тому, что большая часть советских войск с маньчжурской границы была бы переброшена на советско-германский фронт. И тогда до тридцати японских дивизий из Маньчжурии направились бы против Китая, Филиппин, в ЮВА, и активизировалась бы война на Тихом океане против американских вооруженных сил.

Война, Вторая мировая, затянулась бы в лучшем случае до 1947 года...

...Трагедия в Европе состоялась в апреле – июне 1940 года: в апреле гитлеровцы захватили Данию и Норвегию, в мае – Голландию, Бельгию и Люксембург. В конце мая вермахт отрезал войска союзников, и англичане покинули Францию. В июне пал Париж, и Франция капитулировала.

Таким образом Гитлер растоптал договоры с Англией и Францией о ненападении – такова оказалась расплата Запада за политику умиротворения агрессора, за политику отказа от

коллективной безопасности и за политику изоляции СССР.

А всего-то нужно было обратить свои взоры на притчу древних о связке стрел, каждую из которых в отдельности сломать легко...

Итак, Германия напала на СССР. Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия выступили в войне против СССР на стороне Германии. СССР начал освободительную войну, спасая тысячелетнюю российскую государственность с ее советским периодом.

Европа и Америка по-разному отнеслись к этому событию. Порабощенные Гитлером народы вздохнули с некоторой надеждой, решив, что Гитлер сломает себе шею между двумя фронтами – Западным и Восточным. А правящие круги Англии и Франции не сомневались, что Россия будет разбита в самые короткие сроки.

Видный член сената США и будущий президент Гарри Трумэн через день после вторжения Германии в Россию сделал весьма циничное заявление с призывом помогать проигрывающей войну стороне и обосновал это: «пусть они убивают как можно больше».

Откровенно высказался британский министр авиации. Он заявил, что лучшим исходом борьбы на Восточном фронте было бы взаимное истощение Германии и СССР, ибо тогда Англия смогла бы занять господствующее положение в Европе и даже вне ее.

Главы обоих государств – премьер-министр Англии Уин-

стон Черчилль и президент США Франклин Рузвельт – заявили об оказании помощи СССР в его борьбе с общим врагом – фашистской Германией. Этим было положено начало англо-американско-советской коалиции против Германии.

Антигитлеровская коалиция поставила себе целью разгром фашистского государства и освобождение поработенных Германией народов. Несмотря на различие в идеологической и экономической системах отдельных союзных государств, коалиция стала могучим сплочением народов, объединившим свои усилия против гитлеризма.

Конечно, и тогда, во время войны, между союзниками существовали разногласия по ряду вопросов: о сроках открытия «второго фронта», об обязанностях союзников по вопросам ленд-лиза, о моральном долге друг перед другом в «общении» с германской стороной.

В англо-советском и в советско-американском коммюнике были четко прописаны обязательства союзников по открытию «второго фронта» в Европе в 1942 году. Это были торжественные обещания, которые должны были быть выполненными в срок ради облегчения усилий советских войск, несших в первый период войны всю тяжесть отпора гитлеровскому фашизму. Но... «второго фронта» Красная армия не дождалась ни в 1942, ни в 1943 году.

Политика откладывания открытия «второго фронта» была не случайной. В планы реакционных кругов Англии и США не входила задача полного разгрома фашизма. Они

были заинтересованы в подрыве экономической и военной мощи Германии и устранения ее как опасного конкурента на мировом рынке.

В то же время строились расчеты на ослабление СССР, на его обескровливание и на то, что в результате изнурительной войны СССР надолго потеряет свое значение как великая и мощная держава, а значит, попадет после войны в зависимость от США и Англии.

По-иному понимала союзнические обязательства советская сторона. Вот один из таких фактов, связанных с критическим состоянием союзнических войск после открытия «второго фронта» в Европе.

В конце 1944 года гитлеровские войска предприняли наступление на Западном фронте в районе бельгийских Арденн, прорвали фронт, и англо-американские войска оказались в тяжелом положении. По утверждению союзников, германский вермахт угрожал разгромом четырем армиям – двум американским, английской и канадской.

В связи с этим 6 января 1945 года У. Черчилль обратился к И. В. Сталину с посланием о помощи, в котором говорилось, что «на Западе идут очень тяжелые бои... Можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление... Я считаю дело срочным...»

И срок наступления советских войск был передвинут с 20 на 12 января. Советские войска пришли в движение от Балтики до Карпат: 150 дивизий прорвали германский фронт

и отбросили фашистские войска на сотни километров. Сопrotивляясь, вермахт снял с Западного фронта две танковые дивизии, предназначенные для ликвидации группировки войск союзников в Арденнах.

В приказе И. В. Сталина по Красной армии в феврале 1945 года об этом наступлении советских войск говорилось, что «она взломала на протяжении 1200 километров мощную оборону немцев, которую они создавали в течение ряда лет... Успехи нашего зимнего наступления... сорвали зимнее наступление немцев на Западе...».

Так действовал Советский Союз, верный своим союзническим обязательствам, зная при этом о закулисных маневрах наших неустойчивых союзников с намерениями заключить с Германией сепаратный мир.

Справка. С середины семидесятих годов прошлого века Западом стала целенаправленно изменяться трактовка Второй мировой войны. Гитлеру простили территориальные притязания и расовую доктрину, а стали лишь упрекать в отсутствии в Третьем рейхе западной демократии по американскому образцу.

А раз в то время в Советской России был иной, отличный от «образцово-показательной демократии» порядок, то стали настойчиво проводить параллели между двумя тоталитарными режимами с нацистской и коммунистической идеологией.

Но коммунизм ставит целью облагодетельствовать весь мир и добиться всеобщего равенства. А нацизм проповедовал расовую доктрину с ее тезисом природной неравномерности людей и наций. Цель нацизма – положить к ногам одной нации весь мир и превратить ее в нацию господ. Именно это ожидало Россию согласно гитлеровской «библии нацизма» в случае реализации фашистского «блицкрига» и победы над СССР. И не только Россию: фашизм собирался шагать по всему миру.

И когда распался Советский Союз, то Запад аплодировал и вручил Нобелевскую премию «коммунисту» Горбачеву не за ликвидацию тоталитаризма, а за начало разрушения тысячелетней российской государственности.

Теперь возвратимся к началу этого раздела. В 1946 году «триада» держав – США, Англия и Франция – опубликовала германские архивы, умышленно избрав период 1939–1941 годов. Были опущены архивные свидетельства всех обстоятельств маневров Запада на глазах германской стороны до первых выстрелов Второй мировой войны. Почему?

Слишком позорными для «западной демократии» были страницы этих архивов, особенно с описанием «мюнхенского сговора». Ведь предавалась не только Чехословакия, а все народы Европы. Именно после этого «сговора» Гитлер перестал «консультироваться» с западными державами в отношении очередных захватов, и к июню 1940 года уже вся Ев-

ропа оказалась под гитлеровской оккупацией.

Вот почему следует рассматривать публикации германских архивов «Нацистско-советские отношения 1939–1941 годов» в качестве первого шага к переписыванию истории возникновения, хода и результатов Второй мировой войны.

И потому появление фальсификатов в конце сороковых годов из рук бывших союзников по антигитлеровской коалиции – явление абсолютно не случайное...

Таково оказалось «Наследие Старого Чекиста-Разведчика», похожее на приговор: «За фашизм и войну отвечает Запад!»

* * *

В канун 65-летия Великой Победы над фашизмом еще более усилилось стремление Запада пересмотреть итоги этой войны. Зачем это нужно?

Это весьма убедительно показала Наталья Нарочницкая, яркий публицист, президент Фонда исторической перспективы, депутат Госдумы в 2003–2007 годах и член созданного в начале 2009 года Комитета по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Она с болью говорит об одной из причин такого отношения западных держав с бывшим Советским Союзом:

«...борьба с „империей зла“ требовала новых идеологий...»

В них виртуозно решалась задача: развенчать СССР как главного борца против фашизма, при этом не реабилитировать сам фашизм, но освободить Запад от вины за него...».

И несколько слов о работе разведки в период Второй мировой войны, о которой, казалось бы, не было в этом разделе сказано ни полслова.

Справка. В предвоенные годы в Германии, Англии, Франции, США активно действовали советские разведчики по линии госбезопасности и наркомата обороны СССР. Информация, в частности, поступала от агентурных групп из числа английских антифашистов «Кембриджской пятерки» и германских патриотов из «Красной капеллы».

И потому указанные в этом разделе предательские маневры западных держав, приведшие ко Второй мировой войне, были известны советскому правительству в результате проникновения советской агентуры в важнейшие государственные учреждения упомянутых держав.

Советская разведка в предвоенные годы работала на предупреждение антисоветских действий западных стран и исходила из указания нашего руководства о том, что *«страна победившей революции должна не ослаблять, а всемерно усиливать свое государство, органы государства, армию, органы разведки, если эта страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением»* (И. В. Сталин).

Тысячелетняя российская государственность – Руси и России, Российской империи и Советской России – в новых условиях ни в коем случае не должна забывать этого предупреждения – не быть разгромленной окружением, столь «недовольным» нашими богатствами, нашей независимостью, нашей непредсказуемой способностью к стремительному и многогранному саморазвитию в политике, экономике, социальной и военной сферах.

Разведка с ее тайными операциями играет не последнюю роль в том, чтобы «не быть разгромленными», ибо *«мы находимся на фронте, где нет перемирия и передышек, где борьба идет с довольно большим накалом... Воевать на таком фронте нелегко...»*. К этому призывал еще в 1978 году Ю. В. Андропов, председатель Комитета госбезопасности и будущий глава советского государства.

Примечание. Вся эта «возня» «сильных мира сего» с их срывом коллективной безопасности в Европе и изоляцией Советской России во внешних делах дала главе Советской России И. В. Сталину право занять жесткую линию в отношении Запада. Это означало использование всех доступных средств в противлении западным планам ликвидации тысячелетнего российского государства, причем руками Третьего рейха.

Линия предусматривала наступательную тактику на политическом, экономическом и военном направлениях. И тогда

появился, бесспорно, не украшающий нас «пакт» с Германией (политический аспект), стремительный рост продукции военно-промышленных отраслей (экономический аспект) и начало создания «восточного фронта» для отражения будущей агрессии (военный аспект).

И, конечно, опора на акции тайного влияния, среди которых стратегического уровня операция «Снег» с целью срыва открытия на Востоке японско-советского фронта и в первый период войны – секретная, «сталинского» масштаба, операция «Мценская инициатива» в интересах всех воюющих антигитлеровских государств.

Глава 1

Истоки тайного мастерства

Если человек думает, что в историческом движении общества имеют место случайности, то он полный идиот.

Марк Туллий Цицерон

Становление России

Постоянные угрозы извне. – Период тягчайших испытаний

Тысячелетний период становления России в Великую Державу – это особенности развития русской и российской государственности. Причем в условиях широкой сферы ее деятельности на международной арене в отстаивании национальных интересов при постоянных угрозах извне.

Государству необходимо было знать о жизни зарубежных партнеров и противников для успешного развития политических и торгово-экономических отношений либо для упреждения событий на случай военной угрозы.

История любого государства, тем более Великой Державы, изобилует фактами удачных и менее удачных действий

на международной арене. Это характерно для Руси и России, для Российской империи и Советской России. А потому Государство Российское знает немало великих свершений и горечь временных поражений, особенно в переломные моменты его становления в самостоятельное государство, как, например, это имело место с Княжеством Московским.

Постоянные угрозы извне

Богатый опыт тайных наступательных действий русских князей против своих противников становится все в большей степени востребованным по мере расширения земли русской. В период правления Ивана Грозного этот опыт приобрел значительный вес в дипломатии с западными странами. В XVIII веке Россия заявила о себе, решительно и прочно обосновавшись своими посольствами в ведущих странах Европы.

От работы на «тайном фронте» одиночек до опоры дипломатической разведки на некоторую сеть агентов проходили столетия. Непрерывность в работе становилась нормой в интересах внешней политики государства. И потому активность такой разведки на пользу Отечества с ее главным признаком – наступательностью против враждебно настроенных к России государств – сказывалась, прежде всего, в предвидении действий противника и упреждении их.

Так было в годы, предшествующие приходу на царство

ние Петра I, в период его правления и после него, особенно во времена Екатерины II.

Россия Петра Великого вошла в опытную европейскую политику в качестве «новичка» – так, по крайней мере, думали европейские политики, – по сравнению с дипломатическими «монстрами» в лице Англии, Франции, Швеции, Дании, германских княжеств, да и той же Турции.

Однако менее века (XVIII) потребовалось России для того, чтобы вся гамма приемов и способов «европейской политики» и дипломатической разведки оказалась задействованной во внешних сношениях нашего Отечества с Западом.

«Новичок» взял на вооружение приемы явной и тайной дипломатии, преуспев и в собственных путях развития мастерства акций тайного влияния.

В этот период Россия в международных делах отличилась в таких жизненно важных для Отечества вопросах, как обладание Балтийским и Черным морями, свобода торговли и политического участия России в делах Европы, освобождение славянских народов от турецкого ига, отражение агрессии коалиции европейских государств в Крымской и в Русско-японской войнах. А в целом – расширение границ Российского государства, сохранение целостности его территории и укрепление значимости его политического веса в мире.

Эпиграфом к перечню успехов явной и тайной дипломатии в интересах внешней политики России могла бы стать

констатация факта о месте Российской империи среди великих держав, высказанная Екатериной II в письме к французскому мыслителю Вольтеру: «Теперь без нашего согласия ни одна пушка в Европе не смеет выстрелить!»

А ведь от Петра Великого – монарха до Екатерины Великой – императрицы прошло чуть более полувека.

Лучшие традиции в работе на «тайном поприще» были востребованы в XIX веке. Успехи в этой работе на пользу российских зарубежных дел становились в центре внимания первых лиц государства.

К началу XX столетия в Российской империи функционировали подразделения для «тайных дел» за рубежом при шести ведомствах: в министерствах иностранных дел и военном, в министерстве торговли и промышленности, в финансовом министерстве, два – в министерстве внутренних дел, а также при императорском дворе. Причем главенствовали и соперничали между собой в этом вопросе министерство военное и иностранных дел.

Взлет деятельности специфической работы на «тайном фронте» за рубежом пришелся на советский период – время борьбы с Западом молодого советского государства, оказавшегося в окружении враждебных сил – противников нового строя в России.

Однако нетерпимое отношение к «новому строю» в нашей стране со стороны традиционных противников России

на международной арене было лишь прикрытием многочисленных попыток разрушить Государство Российское в экономических интересах великих держав – Англии, Франции, Германии, США, а на Востоке – Японии.

И потому интервенция полутора десятков стран Европы и Азии против новой России была логическим продолжением в попытках ослабления Руси, России, Российской империи, Советской России с конечной целью расчленения государства и превращения его в сырьевой придаток, управляемый извне.

Тому примером решение «сильных мира сего» в Америке еще в девяностых годах XIX века выделить в два главных экономических противника на период XX столетия Германию и Россию. Первую – потому что уже заявила о себе в этом качестве на международной арене, а вторую – как обладающую огромными потенциальными возможностями по природным запасам и неограниченными ресурсами людской силы. От России нового века американские толстосумы опасались главного – непредсказуемой способности к стремительному саморазвитию.

И, как следствие такого отношения к России, была инспирирована Русско-японская война со стороны Страны восходящего солнца, милитаризацию которой и поддержку ее извне проводили западные страны: Англия – усиленное финансирование, США – поставка сырья и производственных мощностей, Германия – строительство японской армии. А

все вместе – поддержание агрессивных замыслов и действий японкой военщины против ее континентального соседа на дипломатическом уровне.

Затем была развязана Первая мировая война с целью ослабления и Германии, и России в борьбе за передел экономического влияния, включая передачу германских колоний в пользу США.

* * *

Буржуазная революция в Российской империи в феврале 1917 года вселила в умы правителей Англии, Франции, США (а также Германии) надежду наконец-то отобрать у ослабленной войной России ее природные богатства с неисчислимыми людскими ресурсами и передать их в руки великих держав.

В самые первые дни Февральской революции на сверхсекретном заседании трех держав – Англии, Франции и США – обсуждался вопрос об интервенции в Россию с целью расчленения ее на четыре зоны оккупации (четвертая зона для Японии). Не ведая об этих замыслах (возможно, ведая!), в эти же дни воюющая с тройцей и Россией Германия предложила указанным странам создать новую Антанту для ликвидации России как самостоятельного государства.

Такую судьбу готовили России в силу общего развала в дестабилизированной войной стране. И лишь много лет спу-

стя архивы позволили узнать о «каннибальских» планах наших «союзников» по Антанте в Первой мировой войне.

А далее «русская карта» разыгрывалась на полях нашей Отчизны: цели стран, бывших союзников России по мировой войне, изменились с точностью наоборот. Была сколочена новая Антанта, и интервенция поставила великую Россию (в то время Советскую) перед реальной угрозой: быть или не быть Государству Российскому?!

В годы интервенции Советская Россия защитила от исчезновения не только советскую власть, но и великую державу – Русь, Россию, Российскую империю со всей ее богатейшей и самобытной тысячелетней историей.

И это был не первый и не последний подвиг в истории Государства Российского: была защита Руси от Тевтонского ордена – орудия Ватикана в попытках искоренить православие у восточных славян. Была многовековая борьба русских князей за освобождение от татаро-монгольского ига. Было Смутное время с его изгнанием польского Лжедмитрия. Был разгром захватнической французской армии с последующим приходом русских войск в Париж. Было противостояние коалиции европейских государств в Крымской войне...

И, как во времена нашествия Золотой Орды на тогдашнюю Русь и покорения Европы Наполеоном, в XX столетии именно Советская Россия – СССР, защищая свое Отечество, спасла всю Западную цивилизацию от «коричневой чумы». Вот почему так верны слова нашего прозорливого по-

эта-мыслителя Александра Пушкина, в которых он завещал нам: «...*Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна*» (1834).

Защита завоеваний Октябрьской революции потребовала новых приемов борьбы с многочисленными противниками советского государства. Эта борьба происходила в условиях дипломатической и экономической блокады нашей страны со стороны Запада в ее легальных формах, но был востребован опыт прошлых столетий в делах разведывательных. И им воспользовались зарождающиеся в государстве новые органы госбезопасности, которые взяли на вооружение богатую гамму форм и методов, взращенных отечественной разведкой за тысячу лет. Прежде всего – широко использовалась наступательность в действиях разведки госбезопасности и военной разведки.

Дипломатия и разведка действовали в интересах Отечества в годы Гражданской войны и интервенции, региональных конфликтов с Японией и Финляндией, отслеживала агрессивные устремления Германии. И в связи с этим преступна непоследовательность действий западных держав при попытках советской стороны инициировать создание сил коллективной безопасности в Европе в канун Второй мировой войны.

И потому дипломатические и «тайные акции» госбезопасности все годы советского периода были на переднем крае, защищая тысячелетние завоевания родного Отечества.

Человечество ведет особый счет войнам – самым трагическим периодам своей истории. Среди них Вторая мировая война занимает зловещее место и до сих пор не оставляет людей равнодушными.

Слишком велика была цена, принесенная человечеством на алтарь Победы над фашизмом, и неоднозначны ее последствия. По масштабу и размаху военных действий, ожесточенности борьбы, человеческим жертвам и разрушениям эта война не имела себе равных в истории нашей планеты.

С началом Великой Отечественной войны снова встала судьбоносная для страны проблема выживания не только советского государства, но Государства Российского. Вступление СССР в войну против фашистской Германии сыграло решающую роль в превращении Второй мировой войны в справедливую войну со стороны антигитлеровской коалиции.

Целью Великой Отечественной войны явился разгром фашистского государства, ликвидация нависшей над Советской Россией смертельной угрозы, а также помощь народам Европы в избавлении от режима Третьего рейха и изгнании германских оккупационных войск с их территории.

С началом германского вторжения главными задачами внешней политики советского правительства стали: во-пер-

вых, организация немедленного отпора врагу и создание благоприятных условий для дальнейшей борьбы с оккупантом; во-вторых, создание и укрепление антигитлеровской коалиции для скорейшего открытия «второго фронта» в Европе.

Явный (дипломатический) и «тайный» фронты активно включились в эту работу с учетом угроз военно-политического характера для обороноспособности нашей страны. Такие угрозы возникли с момента военного противостояния с Германией, в том числе с территориями стран – ее сателлитов, «нейтральных» государств и даже наших союзников по антигитлеровской коалиции.

Война, явившаяся продолжением политической борьбы в мире в двадцатых – тридцатых годах, доказала, что в 1941–1945 годах советская дипломатия и разведка стали необходимыми государственными механизмами, которые создавали для политического и военного руководства Советского Союза возможность прогнозировать развитие обстановки и принимать соответствующие решения.

Это было нужно для значительного снижения потерь, определения места и времени нанесения концентрированных ударов по войскам противника и тем силам, которые выступали в войне с профашистских и антисоветских позиций. Следовало и не быть введенными в заблуждение действиями наших союзников в том случае, если они преследовали цели, не отвечающие или даже противоречащие интересам Советской России.

Сегодня можно с полным основанием отметить: советская дипломатия, разведка госбезопасности и наркомата обороны в годы Великой Отечественной войны с честью выполнили свой профессиональный долг перед Родиной.

Период тягчайших испытаний

Великая Отечественная война стала временем тягчайших испытаний для нашей Отчизны.

Опираясь на военно-промышленный потенциал завоеванной Германией Европы и вместе с союзниками Третьего рейха (Италией, Румынией, Финляндией, Венгрией, Болгарией) немецко-фашистские войска вторглись на просторы Советской России. Руководство гитлеровской Германии рассчитывало молниеносно сокрушить СССР и, овладев богатейшими ресурсами нашей страны, приступить к реализации своих планов по завоеванию мирового господства.

Стратегия германского «блицкрига» на «Восточном фронте» предусматривала бросить против Советов 153 укомплектованных по штатам военного времени дивизий, более 3700 танков и самоходных орудий, почти 5000 самолетов. Наша сторона смогла им противопоставить 149 дивизий, но недоукомплектованных людьми и вооружением.

Немецкие войска, имея свой опыт войны на Западе, превосходили наши войска по численности и вооружению. И это позволило вермахту в первые месяцы войны захватить

Минск и Прибалтику, выйти к Ленинграду и двигаться на Москву.

На полях сражений советские войска боролись за нашу независимость и за свободу захваченных фашистами стран.

Об освободительном характере войны говорил глава советского государства Иосиф Виссарионович Сталин в своем выступлении 3 июля 1941 года. А созданию антигитлеровской коалиции – военно-политического союза государств – предшествовала кропотливая работа наших дипломатов и разведки.

Их усилиями руководство страны смогло быть информированным об отношении правящих кругов и общественности стран-союзников к германским планам завоевания мирового господства и степени их желания сопротивляться «германскому мировому порядку».

Если снова обратиться к истории, то видно: Россия – в лице Советской России – в третий раз спасала Европу. Первый – встав на пути орд Батыя, спасая ее не только кровью, но и данью и предотвращая набеги. Второй – избавив европейские народы от владычества Наполеона. Третий – от Гитлера. А до того, только в предшествующем веке, Россия оказала решающую помощь населенным православными единоверцами Греции, Болгарии, Сербии в их освобождении от Османской империи. Обо всех этих «российских жертвоприношениях» не очень-то любит вспоминать «благодарная» Европа.

В канун войны разведка имела достаточно информации, чтобы на ее основе раскрыть существо планов германского «блицкрига». И когда немецкая стратегия молниеносной войны рухнула, наши зарубежные службы – дипломатия и разведка отслеживали нарастание кризисных явлений в Германии – военных, политических и экономических. Сведения о колебаниях в кругу германского руководства в условиях затяжной войны без шансов на успех оказывалась на столе у И. В. Сталина.

У советского руководства были цели в войне, и были сформулированы задачи дипломатии и разведки для оказания помощи в достижении этих целей своими специфическими средствами. И потому ход военных действий с первых дней войны во многом определил стратегическое направления работы их работы. Для разведки, кроме традиционной работы за рубежом с позиции резидентур, были широко развернуты активные действия в тылу немецких войск на временно оккупированной советской территории с опорой на подполье, спецпартизанские отряды и разведывательно-диверсионные группы.

Исход войны был предрешен. Стали меняться задачи работы на «тайном фронте». Так, была собрана убедительная документальная информация о намерениях главных союзников по антигитлеровской коалиции не допустить Красную армию в Европу и тем самым сохранить свое влияние на страны Восточной Европы. Стали известны факты перегово-

ров наших неустойчивых союзников с германской стороной за спиной советского руководства.

Были получены данные о том, что, согласно своим послевоенным планам, США и Англия рассчитывают извлечь для себя односторонние преимущества в условиях, когда обескровленная войной советская сторона не сможет им противостоять.

На послевоенной Потсдамской конференции глав держав-победительниц во второй половине 1945 года внешнее единодушие ее участников не отражало истинной картины. Однако государственные интересы советской стороны были в должной мере учтены союзниками. Это случилось потому, что за интересами СССР стояла не только мощь победоносно завершившей войну страны, но и четкая работа разведки, ибо сведения о позиции США и Англии перед конференцией были доложены И. В. Сталину и В. М. Молотову, в то время наркому иностранных дел.

Наши союзники намеревались открыть «эру атомного шантажа», направленного против СССР, включая «горячие варианты». Но с учетом усилий разведки еще в годы войны советской стороне удалось в кратчайшие послевоенные годы создать свой «атомный щит». И теперь наши бывшие союзники по мировой войне уже не могли разговаривать с Советской Россией с позиции силы.

Исторически сложилось так, что внешнеполитическое ведомство и разведка своей многогранной деятельностью при-

няли существенное участие в достижении Победы в Великой Отечественной войне.

Исторические факты – это события и эпизоды из жизни Государства Российского за его тысячелетнюю работу на международном поприще на пользу Руси, России, Российской империи и Советской России. Изучая их, автор тешил себя мыслью, что ему удалось выявить повторяющиеся общие особенности в виде устойчивых признаков, характеризующих усилия государства в интересах внешней политики.

Правда, далее речь пойдет о фактах в работе отечественной разведки в советский период. Но истоки этих успехов зиждутся на опыте от времен князя Олега, русских князей и императоров в Первую мировую войну до операций, вершившихся в Советской России вплоть до 1945 года. Однако *общность ряда акций на внешнеполитическом поприще оказалась созвучной стратегическим операциям, вершиной полезности которых стала, в частности, дезинформационная операция по переговорам с Германией о перемирии в 1942 году.*

Автор хотел обратить внимание читателя еще на одну особенность, присущую предлагаемой рукописи.

Дело в том, и это понятно, что зарубежная деятельность страны ведется ради чего-то, причем вполне конкретного. И потому должен быть фон, на котором разворачиваются «дипломатические и разведывательные баталии». Это означает: коли имеется «разведывательное поле», то оно совмещено

с тем «полем», которое «управляет» всеми действиями разведки. Речь идет о «внешнеполитическом поле» государства.

Вот и получается: если были цели у советской внешней политики в годы войны, то ее интересам соответствовали дипломатические и разведывательные задачи. И внешняя политика, и внешняя разведка «играли», казалось бы, на одном и том же поле, но разведка – на поле, прозванном «невидимым фронтом».

Но чтобы лучше понять специфику зарубежной работы указанных государственных ведомств – иностранных дел и госбезопасности, автор вынужден весьма много говорить о «военно-экономическом и внешнеполитическом поле» жизни нашего Отечества в тревожный период российской истории в годы Отечественной войны.

Итак, речь идет о фронтах. Но у каждого фронта имеется «поле приложения сил». Например, для фронтов с линией фронта это ТВД – театр военных действий. И такому «полю» свойственна соответствующая «окраска»: политическая, внешнеполитическая, военно-политическая, военно-экономическая, военно-стратегическая...

Когда говорится о «горячих фронтах», то здесь, казалось бы, все понятно: линия фронта четко обозначена. А как быть с трудовым, дипломатическим или «тайным фронтом»?

Например, для гитлеровского военно-экономического пространства трудовой фронт простирался в самой Германии, в странах – союзниках по «оси» и других, в оккупиро-

ванных и условно «нейтральных» (автор, например, в бытность свою в военно-морском училище в районе питания имел «аргентинских гусей» с эмблемой фашистского орла – это был вклад «нейтральной» Аргентины в снабжение Третьего рейха продовольствием).

Для нашего Отечества трудовой фронт – это наш тыл, дававший советско-германскому фронту «хлеб войны» – оружие, боеприпасы, продовольствие и... людские резервы – солдат. Для нашей страны был значим и зарубежный трудовой фронт, ибо к нам шла военная помощь из стран – союзников по антигитлеровской коалиции.

«Тайный фронт» разведки охватывал три главных «поля войны»: военно-политическое, военно-экономическое, внешнеполитическое. И помощь дипломатическим усилиям государства, первым лицам его...

Почему на первом месте поставлен «военный фронт»? Потому что он был «горячим» и требовал немедленных действий от всех других «полей войны», причем ежечасно.

Как будет видно дальше, именно на этих условных полях (по названию) проявилось фактическое дипломатическое и разведывательное мастерство.

И потому появление акции тайного влияния – «Мценской инициативы» – оказалось «запланированной» самим ходом истории: после провала гитлеровского «блицкрига» на полях сражений от западной границы до Битвы за Москву.

В советский период внешней политике была свойственна наступательная тактика: знать о замыслах противника, предвидеть развитие ситуации с ним и упреждать его действия.

С первых дней советской власти наступательность на международной арене была немыслима без участия возможностей «тайного фронта». Делалось это на государственном уровне в преддверии Второй мировой войны, в канун нападения Германии на СССР и в годы Великой Отечественной войны.

Военно-политическая составляющая деятельности нашего государства в период войны остро нуждалась в достоверных сведениях, получаемых по линии дипслужбы и разведки как один из способов реализации замыслов правительства и военного командования на советско-германском фронте и в отношениях с участниками мировой войны.

Под давлением неудач первого периода войны огромная территория нашей страны оказалась в короткие сроки занятой противником, и потому велением обстоятельств стала чрезвычайная оперативность в налаживании работы на оккупированной территории. Цель: немедленное оказание сопротивления врагу всеми доступными средствами. И потому в задачу партийных органов, советской власти и разведки входила работа по упорядочению действий стихийно возни-

кающих партизанских групп и отрядов, подпольных ячеек. Эти задачи не терпели отлагательств.

Примечание. «Не терпели отлагательства» и разработки тайных операций стратегического уровня. В предыдущие годы опыт их проведения стал ценнейшим «интеллектуальным приобретением» при защите страны «нового типа» – Советской России. Теперь вопрос был только в том, чтобы успешный опыт оказался востребованным в нужное для истекающего кровью Отечества время.

И оно наступило – пример тому «секретные переговоры» с Германией о перемирии в феврале 1942 года. Вот и спрашивается: почему именно после успехов в Московском сражении эти «сомнительные переговоры» имели место?

Стратегические операции

На международном поприще. – Акции влияния

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.